

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (3867)

Четверг, 24 января 1957 г.

Цена 40 коп.

ПОЛЬША

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ФРОНТА ЕДИНСТВА НАРОДА

ГОЛУБЫЕ КОНВЕРТЫ

В великие даты истории Польши прибавилась еще одна дата: 20 января 1957 года. Было это, на первый взгляд, обычное воскресенье — морозное, снежное. Улицы заполнили медленно прогуливавшиеся люди: день отдыха, день встреч...

баранку руля, кельму, перо или книгу, беспрерывно опускали в избирательные урны голубые конверты.

Так текла мощная река голубых конвертов. С ними почему-то сразу же связывалось представление о почте. Почему? Мы знали, что через день-два прочтем эту корреспонденцию: какую несет она весть — добрую или плохую?

Сейчас, когда я пишу эти строки, содержание корреспонденции, которую коллективно писал народ, — уже известно. Число явившихся на голосование избирателей превысило 94 процента. Основные кандидаты, выдвинутые партией, прошли подавляющим большинством голосов. За кандидатов Фронта единства народа голосовало 16,5 миллиона избирателей, то есть 98,4 процента избирателей, принявших участие в голосовании.

Выборы доказали, как велико взаимное доверие: партии к народу и народа к партии. Победа, одержанная 20 января 1957 года, гарантирует улучшение экономического положения нашей страны, повышение материального благосостояния людей труда, способствует упрочению единства социалистических стран и укреплению мира во всем мире. Это общая победа Польской Объединенной Рабочей Партии, Объединенной крестьянской партии, Демократической партии и других общественных организаций, кандидаты которых с этого дня образуют новый сейм.

Победа эта подтвердила единодушную решимость народа идти по пути к социализму.

Ежи ЯНИЦКИЙ,
польский журналист

ВАРШАВА, 23 января. (По телефону)

Награждение П. П. Хузангая орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области чувашской советской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, народный поэт Чувашской АССР Петр Петрович Хузангай

Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Награждение М. М. Аммирова (Мирсая Амира) орденом Трудового Красного Знамени

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советской татарской литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, писатель Мир-

сая Масалимович Аммиров (Мирсая Аммиров) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Награждение А. И. Сусеева орденом «Знак Почета»

Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в области советской якутской литературы, в связи с пятидесяти-

летием со дня рождения, писатель Алексей Илюмович Сусеев награжден орденом «Знак Почета».

НОВЫЕ КНИГИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Продолжаем публикацию бесед наших корреспондентов с руководителями крупнейших издательств о книгах, которые они дают читателям в 1957 году. Сегодня представляем слово главному редактору издательства «Советский писатель» Н. Лесюченко.

— В чем отличительные особенности нового тематического плана?

— 1957 год — год столетия Советского государства, что, естественно, в большой степени определило направление плана: около 120 произведений связано с этой датой. В них находят художественное отражение возмущенная борьба народа за социалистическую революцию, а также различные этапы истории Советского государства, советского общества. Можно назвать, например, роман С. Спасского «Перед пороком», действие которого происходит в 1916—1917 годах, поэму Н. Алексеева «Первая баррикада» — о революции 1905 года, роман Г. Мусрепова «Пробужденный край» — о зарождении рабочего класса в Казахстане.

Октябрьская революция, становление советской власти, гражданская война изображаются в таких романах, как «Утро Советов» Ю. Либендинского, «Братья Верных» А. Гудайтиса-Гудайтиса, «Буйные ветры» Марии Ухсай. Из повестей называю «Полюю воду» М. Никулина — о гражданской войне на Дону, повести Н. Выгина — о Фрунзе и В. Черверникова — о Котовском.

Картины жизни и борьбы народа нашей страны в последующие годы читатель найдет во многих прозаических и поэтических произведениях как русской, так и братских национальных литератур. Значительная часть их посвящена послевоенному периоду.

Отмечу, что в ряде произведений изображается сегодняшний день колхозной деревни. Это романы белорусского писателя И. Шамякина «Криницы» и украинского писателя В. Кучера «Прощай, море», повесть О. Барковой «Знаменательное лето», книга П. Воронина «Трудное хозяйство», очерки мордовского писателя И. Антонова, сборник «Писатели Казахстана о целине» и некоторые другие книги. К ним примы-

кают произведения о колхозном строительстве в предыдущие годы. Интересны, в частности, романы, запечатлевшие опыт создания первых колхозов в республиках и областях, в которых советская жизнь установилась сравнительно недавно. «Крыюво сердца» А. Броделе говорит об этом процессе в Латвии, украинский писатель С. Черноврицев в «Потоках жизни» рисует Закарпатье. Меньше, к сожалению, произведений о жизни и труде советского рабочего класса.

— Какие новые произведения, напечатанные в журнале, выйдут отдельными изданиями?

— Могу назвать повесть Н. Гиконнова «Белое чудо», романы А. Бела «Янтарь Березовки», Г. Лебереха «Солдаты идут домой», Т. Донжаниши «На Алашани». Многие выпускаемые нами произведения не публиковались в журналах, но, разумеется, мы стремимся издать и все лучшее, что появляется в них.

— Многие писатели заканчивают новые произведения. Расскажите ли издательство выпустит их к сороковой годовщине советской власти?

— Мы рассчитываем получить и издать к сорокалетию Великого Октября еще ряд произведений. Так, мы ожидаем от В. Бажмеева роман о победе Октябрьской революции, от В. Инбер — поэму «Ленин в Женеве», от М. Исаковского — книгу новых стихов, от М. Слонимского — роман, изображающий Ленинград двадцатых годов, от Г. Галина очерки о борьбе советских людей за построение коммунистического общества. Под знаком юбилейного года мы выбрали и книги, представляющие для переиздания, стремясь включить в план как широко известные, особо выдающиеся произведения, так и хорошие, менее известные, но давно не переиздававшиеся или несправедливо замалчивались. В плане переизданий: «Хождение по

мукам» А. Толстого, «Последний из уюгов» А. Фадеева, «Барсуки» Л. Леонова, повести и рассказы В. Лавренева, «Энергия» Ф. Гладкова, «Поэмы» А. Твардовского, «Избранное» С. Щипачева, «Стихи и поэмы» П. Маркиша, «Флаги на башиках» А. Макаренко, «Строгий» Г. Маркова, «Ненависть» И. Шухова, «Юность» Н. Коцина, «Избранное» Д. Бергелсона, «Дочь степей» Г. Ибрагимова, «Псысы» В. Ниршона, «Повести и рассказы» Л. Канторовича, сборник «Стихи останутся в строю», составленный из произведений поэтов, погибших на фронтах Отечественной войны, сборник стихов пролетарских поэтов дооктябрьского периода и другие.

— Как обстоит дело с изданием по критике и литературоведению?

— В критике и литературоведении произошло некоторое оживление. Свидетельством тому может служить, в частности, и расширение наших изданий в этой области — в 1957 году мы выпустили 48 книг. Из числа работ, посвященных проблемам социалистического реализма и общенародным читателям — мы издем глубоких обобщающих и направляющих работ по актуальным животрепещущим вопросам сегодняшнего литературного развития.

В заключение мне хотелось бы отметить, что вместе со всеми советскими читателями мы ждем от наших писателей произведений этического и эстетического значения, произведений, правильно, всесторонне и волнующе показывающих жизнь и борьбу советского общества, его движение к коммунизму, произведений, воссоздающих во всей красоте и силе образ нашего современника, одухотворенного борьбой за коммунистический идеал советского человека-победителя.

На снимках — обложки новых книг «Советского писателя».

Ф. БУЧНЕВА

Эту машину ждут на полях

Минувшей осенью мне посчастливилось быть на Алтае. Шедо одажен этот край природой. Прохладные сосновые боры и светлоглазые березовые перелески; широкие, как само небо, степи и горы с круглогодичными льдыми сопками в отрогах, а величественными пирамидальными вершинами вдоль старинного Чуйского тракта.

И все-таки человеку, побывавшему на Алтае осенью 1956 года, запоминается другое: без конца, без края массивы сохранившихся лесов. Десятки раз я останавливала машину посреди хлебной степи, напоенной солнцем и добрыми запахами нашего зерна: море, океан хлеба!

Мне вспоминается и хлеб, уже убранный и ссыпанный в полукопаловые «булгуны». На уборке хлеба люди проявляли подлинный героизм. Без него немисляма была бы та гигантская битва за хлеб, которую этой осенью выиграла алтайская хлеборобия, несмотря на нехватку техники, людских рук, на отсутствие хороших дорог, зернохранилищ и прочего.

Да, я видела нынче на Алтае самое красивое, что можно потребовать от жизни, — героизм советских людей во славу своей Родины. И я начала об этом писать повесть. Но вот беда! Вплотную присутствовать к ней мне мешает одно обстоятельство.

Так уж жизнь устроена: влечет она для каждого то больше, то меньше, то тугие, то чутые ватные узы и узелки. И нет тебе покоя, пока какой-нибудь узелок, пусть крохотный, с иглышко ушко, останется затянутым. Ведь совесть твердит и твердит тебе: ты должен развязать его!

Передо мной лежат пять папок. Они плотно набиты бумагами. Так плотно, что кажется — дерни за теменьку, стягивающую папку, и вся эта бумажная кляпа раскроется веером. Эти папки и не дают мне покоя. Однако все по порядку.

В одном из папок Алтай, молодой, целинный хозяйственник «Урожайном», я увидела на огороде посево моркови. Плотная земля какой-то не совсем обычный для этой культуры вид. Вместо однодвухстрочных рядков шли выды рядки шириной «в четверть», даже не рядки, а сплошные ленты, впритыку, словно спички в спичечной коробке, усаженные морковками. Право, будто кто-то специально вбил эти морковки в землю, как гвозди.

Первый вопрос, который возник у меня, был об урожайности моркови. Отмерили квадратный метр, выкопали ее, взвесили: в пересчете на гектар оказалось 1200 центнеров с гектара!

На этом же огороде мне показали лук, который, вопреки своей природе, вчерашних лет был выращен в один год из «чернушки» (семена) до настоящей, размером в кулак, луковичной головки. Урожай его был также весьма высок: 300 центнеров с гектара. Кроме того, как мне рассказали, и морковь, и лук были выращены без привычной на этих культурах ручной обработки. Их обрабатывали тракторным пропашным культиватором.

Я узнала также, что участки шпешеницы, посеянной сельской «СКР-24», дали урожай выше обыкновенных посевов на 7 центнеров с каждого гектара. В уме мигом сложились цифры. Совхоз засевае зерновыми культурами 14 тысяч гектаров земли. Если эту цифру умножить на 7, то получится около 10 тысяч тонн дополнительного хлеба. Это почти половина всего выращенного хозяйства урожая!

Меня очень заинтересовала эта машина. Я подробно познакомилась с ее конструкцией, с принципами ее работы. Автором машины оказался директор «Урожайного» Евгений Игоревич Ракиш. От него ко мне попали те самые, туго набитые бумагами пять папок, из которых я и узнала бесславное рождение сельской известной называемой «СКР-24», или, если расшифровать, — 24-рядная сельская-культиватор системы Ракиша.

Уже семь лет назад широко было известно о новом способе сева и новой сельской-культиваторе, предложенных агрономом Е. И. Ракишей.

Идея предложения заключалась в том, чтобы для культурного растения создать условия, максимально близкие к природным естественным нормам. Газеты и журналы довольно подробно писали, что первые эксперименты дали положительные результаты.

В промежуток между 1949 и 1955 годами на Кировградском заводе «Красная звезда» было изготовлено четыре экспериментальных образца сельской-культиватора. Я не буду раскрывать одну из пяти папок, которая могла бы повести о той волоките и тех выволочках, что мешали рождению сельской. Я лишь скажу одно: чтобы изготовить четыре образца новой сельской, с 1949 по 1954 год потребовалось шесть правительственных решений и распоряжений!

Итак, селька была изготовлена и испытывалась. Каковы же оказались результаты испытаний?

Возьмем отзыв Сибирского научно-исследовательского института зернового хозяйства, который на основании двухлетних испытаний сельской на запрос Всесоюзного ордена Ленина академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина дает следующее заключение:

Селька-культиватор лучше других сельсок позволяет выполнить основное агрономическое правило: уложить семена на уплотненную почву и прикрыть их рыхлым слоем почвы. Новая селька дает равномерное равномерное распределение семян, позволяющее заменить дорогостоящий перекрестный посев. Посевы пшеницы и других зерновых культур этой сельской дают ранние и дружные всходы по сравнению с посевами, произведенными другими сельсками. Одновременное совмещение двух агротехнических процессов — предпосевной культивации и посева — позволяет полностью устранить разрыв во времени между предпосевной обработкой и посевом. Селька дает хорошие показатели по урожайности.

генетического института имени Т. Д. Лысенко. Институт, полностью одобряя новую сельку, сообщает заместителю министра сельского хозяйства СССР тов. Кучумову, что прибавка урожая в пользу опытного посева составила более 3 центнеров с гектара. И добавляет, что в Одесском пригородном совхозе имени Октябрьской революции прибавка урожая зерновых за счет новой сельской составила 6 центнеров с гектара.

Можно назвать имена многих научных работников, директоров совхозов, агрономов, подтверждающих эффективность новой сельской. Можно перечислять еще и еще десятки актов, наглядно, в цифрах показывающих неоспоримую полезность этой машины. Наконец, в 1955 году, последнем году испытания новой сельской, Сибирская машиностроительная станция, отмечая высокую урожайность, которую обеспечивает «СКР-24» (40 процентов прибавки по сравнению с обыкновенной «СД-24»), рекомендует ее к изготовлению опытной партией.

Казалось бы, эффективность новой машины доказана. Кроме того, по официальным данным, селька-культиватор наряду с повышением урожая зерновых культур обладает еще и экономическими преимуществами в сравнении с заменяемыми этой машиной культиватором и обыкновенной дисковой сельской.

При этом следует сказать, что конструктивные недостатки, обнаруженные в процессе испытания сельской, легко устранены.

Ну, а что же дальше? А дальше история сельской обрывается, как старая история. Последний образец «СКР-24», прибывший на Сибирскую машиностроительную станцию весной 1956 года для дальнейших испытаний, до сих пор находится в дорожной упаковке!

Вернувшись в Москву с вопросом: «А что же дальше?», я отправилась к заместителю председателя Гостехникой тов. Коломийцеву. Почему я пошла сначала именно к нему? В бумагах, собранных в эти папки, я очень часто наталкивалась на его имя. Он, будучи заместителем министра совхозов СССР, подписывал приказы, требующие от директоров совхозов испытания новой сельской, запрашивал результаты этих испытаний, вел переписку с заводом «Красная звезда», торжественно извещая экспериментальных образцов сельской, и т. д. Одним словом, из документов следовало, что он серьезно был заинтересован в машине.

— Почему заглохла селька Ракиша? По очень простой причине, — сказал мне Коломийцев. — Автор сейчас работает не в Министерстве совхозов, как это было два года назад, а директором «Урожайного». Проталкивать машину некому...

— Может быть, против этой сельской есть созданные возражения? Может быть, ее кто-нибудь зажимает? — допытывалась я, не веря еще в серьезность слов Коломийцева.

(10—15) образцов будет включено в план изготовления 1957 года...
— Ну, а дальше что?
— Будем испытывать!
— Так ведь уже испытывали?
— У нас старые данные...
— А кто же в этом виноват? Где гарантия, что изготовленные вновь образцы сельской не постигнет та же участь замалчивания?

Коломийцев в ответ развел руками. А я сидела и думала: что это — беспомощность или равнодушие?

В бумагах, хранящихся в папках, я нашла еще одно имя, и как мне опять показалось, довольно заинтересованным в сельской-культиваторе. Это был министр совхозов РСФСР тов. Юркин.

Я отправилась к нему, потом к его заместителю тов. Назышено. Затем я побывала в Министерстве совхозов СССР у заместителя начальника управления механизации и электрификации тов. Панюшкина, встретилась с заместителем начальника главной инспекции по земледелию и земледелию тов. Пахомовым, главным агрономом отдела тов. Кудомовым. Все они оказались хорошо осведомленными о сельской-культиваторе и поднимали руки за новую машину. Но вот странное дело! Они как-то забыли о ней. В каждом кабинете повторялась та же самая картина, какую мне пришлось наблюдать и в кабинете тов. Коломийцева. Энергично и настойчиво выжились кнопки звонков, и появлялись секретари — им поручалось «срочно», «немедленно» позвать «дело» Ракиша. Набранные номера внутренних и городских телефонов, и разговор всякий раз начинался примерно так:

— Вы знаете сельку Ракиша? Так как же об этом случилось, что мы упустили ее из виду?

Из Министерства совхозов РСФСР в «Урожайный» послета телеграмма с вызовом автора в Москву (причем не как инженера, а как человека). В союзном Министерстве совхозов не откладывался дела в долгий ящик, при мне же решили послать в «Урожайный» представителя министерства для формирования результатов испытания сельской-культиватора, в самые ближайшие дни созвать технический совет или коллегии и войти с предложением в Совет Министров об изготовлении партии сельской «СКР-24» (если удастся, — серийно!). Одним словом, в министерстве было единодушное мнение: «вынуть вперед перспективную машину». Но... каждый считал своим долгом высказать и сомнения. А как посмотреть на это в Министерстве сельского хозяйства? Какую позицию на этот раз займет заместитель министра тов. Кучумов? Не кто иной, а тов. Кучумов два года назад вычеркнул из плана государственных испытаний новую машину. От него и сейчас зависит: «вынуть» новую сельскохозяйственную машину или «забынуть»!

Мне, к сожалению, не удалось попасть к тов. Кучумову. Ну что ж, подумала я, в лучшем случае, если тов. Кучумов не имеет ничего против сельской «СКР-24», мне, вероятно, пришлось бы наблюдать ту же картину вдруг вспыхнувшей заинтересованности, как я уже наблюдала и в стенах Гостехники, и в двух министерствах. В худшем — мне пришлось бы спорить. Первое — мало интересное занятие, ну, а если придется спорить, то поспорим о полезности новой сельской-культиватора в отарку.

Напряжение 400 тысяч вольт

Началось строительство линии электропередачи напряжением в 400 тысяч вольт Куйбышевская гидроэлектростанция — Урал общей протяженностью свыше тысячи километров. Траасса пройдет через города Бузулука — Златоуст — Челябинск — Свердловск.

При строительстве этой высоковольтной линии будут выполнены огромные работы. Предстоит пересечь много рек, болот, гор, лесов. Лишь на участке Бузулука — Свердловск потребуется вырубить 1335 гектаров леса и кустарника, вынуть 593 тысячи кубометров грунта, уложить 100 тысяч кубометров железобетона для фундаментов под металлические опоры, установить 2376

опор и подвесить 14 тысяч тонн провода и грозозащитного троса.

К строительству электростанции на участке Бузулука — Свердловск приступили шесть специально организованных трестов. В настоящее время ведутся работы по вырубке леса, сооружению фундаментов под опоры на перекосе линии через реку Беляя, готовятся площадки для строительства электроподстанций, возводятся жилые дома для строителей.

«Наш современник» в 1957 году

Выходит из печати первая книга альманаха «Наш современник». Она открывается очерком Г. Поспелова «Сибирь», в котором рассказывается о природных богатствах Сибири, важнейших проблемах освоения этих богатств, творческом труде коренных сибиряков и молодых новоселов, приехавших сюда по зову партии.

В книге — повести «Тажный выстрел» С. Мелешина и «Двор на краю» Н. Кузьмина, рассказы «В лепной мастерской» И. Варламова, записки А. Одинова — о делах и людях одного из металлургических заводов, очерки Л. Жарикова — о Донбассе, В. Канторовича — о строительстве, С. Крутилина — об освоении целинных земель.

Как и в минувшие годы, альманах будет знакомить читателей с произведениями молодых литераторов. По-прежнему широко будут представлены в течение года очерки наших дней. Среди них — «Волжскокамское море» И. Рябова, «Рабочие люди» К. Буковского, «Ижменер галава» Л. Ротова, «Депутаты рабочего города» Л. Коробова, «МТС» И. Винниченко.

В альманахе будут также напечатаны очерки: Ник. Кружкова — о Михаиле Колдобном, Л. Кудраватых — о Валерии Чапове, Л. Никулина — о Ларисе Рейснер, И. Рябова — об Алексее Колосове.

Поэзия в «Нашем современнике» будет представлена стихами А. Твардовского, Л. Мартынова, И. Строганова, Л. Черноморцева, В. Гришаева, Т. Лихоталь и других.

Читатель найдет в альманахе статьи, посвященные проблемам науки, искусства и литературы.

С этого года «Наш современник» будет выходить в увеличенном объеме.

«Литературная Калуга»

Калужское областное издательство выпустило в свет альманах «Литературная Калуга». В нем опубликованы произведения местных писателей — повесть С. Васильчикова «Ильины» и пьеса В. Нарожнова «Приятели парней», а также стихи, очерки, рассказы.

Значительный интерес представляет историко-литературный очерк А. Фирсика «А. Н. Радищев и Калужский край».

На Моховой улице, перед зданием Московского государственного университета, в этом году будет сооружен памятник Михаилу Васильевичу Ломоносову. Скульптор И. Козловский и архитектор Г. Лебедев сделали его без помпезности, столь обычной при изображении великого ученого и писателя. Ломоносов сидит на гладкой скамье, на коленях у него рукопись. Уголки ее загибаются, — наверно, ее много издали... Чуть закинута голова, брови едва заметно сдвинуты, лицо тревожное, задумчивое... Памятник должны были установить еще в прошлом году, но в гранитных карьерах долго не находилось подходящих по ширине глыб гранита. Теперь гранит найден...

СЕГОДНЯ в ТАШКЕНТЕ ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

открывается декада каракалпакского искусства и литературы. На творческий отчет в столицу Узбекистана прибыли каракалпакские поэты, драматурги, народные певцы-сказители, прозаики, литераторы-искусствоведы, артисты, музыканты. Они познакомят узбекскую общественность с достигнутыми за годы советской власти значительными успехами каракалпакского народа в области литературы и искусства. Им предстоит провести немало волнующих встреч с читателями и зрителями, деловых товарищеских обсуждений с братьями по перу.

Литература на декаду представлена многочисленными произведениями на каракалпакском, узбекском и русском языках. Среди них — великолепные образцы устного народного творчества «Кырк кыз», «Алпамыс», «Мас паша», сочинения каракалпакских классиков Кунджиди, Ахиянзия, Жие-На, Кудмурата и Бердаха, книги советских писателей и поэтов. К декаде приурочено издание «Антологии каракалпакской поэзии», большого сборника на русском языке «Поэты Советской Кара-Калпакии», сборников «Каракалпакские народные сказки», «Каракалпакские народные пословицы и поговорки», а также книг очерков, рассказов, стихотворений.

Отрадно, что на прилавках книжных магазинов и в Союзе писателей Узбекистана будут лежать рядом книги писателей и поэтов старшего и младшего поколений. Особенно радостно это явление в новых для каракалпакской литературы жанрах — прозе и драматургии. Если роман пока что достояние только старших авторов Ж. Аймурзаева и А. Бегимова, которые привезли в Ташкент свои книги «На берегу нового канала» и «Дочь рыбака», то жанр повести активно осваивается писателями среднего поколения и молодежью. Об этом свидетельствуют повести Х. Сейтова «Агром-председатель», А. Оразова «Тяжелые дни», Дж. Ташенова «Боевые друзья».

То же можно сказать о национально-драматургии: наряду с Ж. Аймурзаевым и Т. Алланазаровым в этой области трудятся драматурги С. Ходжанязов, комедия которого «Насильно мил не будешь» показывается во время декады, и Н. Илаков, совместно с кинодраматургом М. Мелькумовым написавший первый в республике киносценарий «Рыбаки Арала».

В поэзии к широко известным в республике А. Дабылову и А. Бегимову присоединяется новый молодой отряд — К. Досанов, Т. Сейтжанов, Х. Турмубетов, И. Юсупов, М. Насымова, А. Алдашева, П. Кудмурата и другие.

Сегодня мы публикуем подборку новых стихотворений поэтов Кара-Калпакии.

ДЕКАДА ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ АДЖАРСКОЙ АССР В ТБИЛИСИ

В столице Грузии прошла декада искусства и литературы Аджарской АССР. 12 января, в день открытия декады, в помещении Театра имени Марджанишвили состоялась первая встреча работников культуры Аджарской АССР с представителями трудящихся Тбилиси. Гости приветствовали народная артистка СССР В. Анджапаридзе. С ответным словом выступил народный артист Грузинской ССР М. Хиникадзе.

К открытию декады в фойе театра была организована выставка, на которой экспонировано около ста произведений скульптуры, живописи, графики, театрально-декорационного искусства художников Аджарии. Другая выставка, устроенная в том же помещении, отображает творческий путь Батумского государственного драматического театра, чьи спектакли были в эти дни в центре внимания тбилисского зрителя. Творческий коллектив Батумцев порадовал не только интересными постановками пьес местных авторов — В. Канделики «Майя из Икхети» и П. Лория «Данара», но и оригинальным сценическим воплощением «Царя Эдипа» и «Амлет».

Большой успех у тбилисских зрителей завоевали выступления Государственного ансамбля песни и пляски Аджарской АССР под руководством М. Чхиквишвили.

В Рустану, во Дворце металлургов, состоялась встреча участников декады с рабочими Закавказского металлургического завода имени Сталина.

Оживленно было в эти дни в помещении Союза писателей Грузии, где проходило обсуждение новых произведений писателей Аджарии. 14 января состоялось заседание секции поэзии, которое открыл вступительным словом председательствовавший Алю Мирхулава. После обсуждения аджарский поэт Н. Малазония поблагодарил за ценные советы и замечания и выразил справедливое желание, чтобы между писателями столицы республики и батумскими поэтами существовали более тесные творческие связи.

В деловой обстановке прошло заседание секции критики. Прозаики обсудили произведения П. Лория, И. Руруа, К. Русидзе, А. Чхидзе.

У драматургов были обсуждены пьесы В. Канделики, А. Шеравшидзе, П. Лория, а также спектакли Батумского драматического театра, показанные в Тбилиси.

Во время декады состоялся также встреча артистов и художников.

Вечером 17 января в Театре имени Марджанишвили был устроен литературный вечер-концерт. Вечер открыл Г. Леонидзе, доклад о творчестве писателей Аджарии сделал критик И. Руруа. От имени тбилисской литературной общественности гости приветствовали критик В. Жегени. С чтением своих произведений выступили Н. Гавришвили, М. Варшанядзе, Н. Малазония, Ш. Роква, Г. Салуквадзе, Ф. Халвадзе, Д. Джакели, Л. Геладзе.

20 января в Театре оперы и балета имени Палиашвили с большим успехом прошел заключительный концерт участников декады.

Г. АСАТИАНИ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ТБИЛИСИ

ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!

Науруз ЖАПАКОВ

У памятника Пушкину

Из гениев гений, учитель поэтов,
По дальней дороге пришел я
с приветом, —
Волнения души в этот час я не скрою,
Вот, словно живой, ты стоишь
предо мною,
Любимый мной с детства поэт!
Могучий, рожден ты народом могучим,
Ты песней бессмертною с ним неразлучен,
В сердцах твоих песня живет,
И с русским народом, с Отчизною всею
Гордишься тобою и музой твоюю
Мой каракалпакский народ!
И прежде, в дни горькой неволи
постылой,
Знал имя твоё, твою гордую силу
Народ, погруженный во мрак...
Но только не мог он прочесть твои
строки,
Голодный, униженный ханом жестоким
Неграмотный каракалпак.

А ныне в оазисах самых далеких
Твои золотые певучие строки,
Как яркие звезды, зажглись,
Творения твои донеслись в наши дали,
И нашим бесчисленным современникам стали,
И с речью народа слились.

Поэт, ты как друг к нам пришел из
России
В сады молодые, в просторы степные,

К Аму — многоструйной реке,
Навек породился ты с солонечным краем,
И ныне поэмы твои мы читаем
На нашем родном языке!

Стихи твои старцы читают и дети,
Они нам зарей незатухаю светят,
Навеки ты — в нашей судьбе...
Принес я привет из далекого края,
У памятника твоего волеяга
Венок, посвященный тебе.

Перевод В. Шеффера

Кармыс ДОСАНОВ

Ласточка

В набег рванувшись, ветер длинноногий,
Пыль поднимая, саистнул вдалеке,
И пробрела около дороги
По травмам зыбь, как будто по реке.
Стоявший на кургане одиноко,
Кемчуся дуб — плечистый великан.
А ветер тучу гнал уже с востока,
Словно отару с пастбища чабан.

Упала капля переая,
И вскоре
Тяжелый ливень хлынул за окном.
Мне показалось:
Яроб стало море,
Перевернувшись небом вверх дном.
Грозил потопом дождь неугомонный,
Доме как будто встали на причал.
И тут вдали за рамкою оконной
Я ласточку в полете увидал.

Лететь в такую непогоду, пожалуй,
И самолет решится не любой,
Гонимо было сердце птахи малой
Какой заботой и какой судьбой?

Касатку ветром в сторону сносило,
А дождь швырял ее к земле почти.

Откуда в ней взялась такая сила,
Чтоб спорить с ними, вымокнув в пути?

Но в этот миг пенцы с голодным писком
В гнезде под крышей завозились вновь...
Сильна и в птичьем сердце материнском
Земная от рождения любовь.

Перевод Я. Ковалковского

Асан БЕГИМОВ

Бибижан

Уходишь ты в море еще до рассвета,
И песню твою заглушает прибой,
Морским бирюзовым лобуешься цветом,
А я в отдалении люблюсь тобой.

То вывись поднимаясь с волнами седыми,
То вновь исчезаешь за пенной грядой,
Уходишь ты в море с друзьями своими,
Отважно на подвиг идешь трудовой.

Рыбачка! Какой ты красавицей стала!
Как жаль мне, родная моя Бибижан,
Что раньше тебя мое сердце не знало,
Как будто глаза застелил мне туман.

А ныне ты в душу мою заглянула,
И стало в ней так хорошо и светло,
Великое счастье пришло к нам в аулы,
Все новою жизнью вокруг расцвело.

Мы счастья добились своими руками,
И горя не знаем мы земляки,
Родное море цветет парусами,
Когда отплываешь на лов рыбаки.

Закат расплстался на синем просторе,
Как ты, этот вечер пригож и румян,
Несет на ладах твоих вечернее море
Цветок моей жизни, мою Бибижан.

Перевод А. Дорофеева

НЕУТОМИМЫЙ ТРУЖЕНИК

К 85-летию Г. М. Кржижановского

Вот он сидит за столом, удивившись в чтении, этот человек с седой остроконечной бородкой, взлохмаченными бровями, в традиционной черной шапочке ученого. Восемьдесят пять лет у него за плечами, но читает он без очков.

Восемьдесят пять! Какая жизнь! И самым счастливым в этой большой, богатой событиями жизни он считает день, когда 64 года назад впервые встретился с приехавшим в Питер Лениным. С этого памятного дня и началась их совместная работа до революции.

Плетом в плетцу с юным Лениным ходил он по улицам питерских застав, рукою первыми марксистскими рабочими кружками в России; работал в организованном Владимиром Ильичем «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и в одну ночь с Лениным был схвачен парскими сапранами, вместе с ним совершил путь по этапам в ссылку, к холодным берегам Енисея. Вместе с Лениным приступил к строительству Советского государства.

Глеб Максимилианович Кржижановский ныне является старейшим коммунистом не только в нашей стране, но и по всему миру. В его партийном билете значится год вступления в партию 1893.

Глеб Максимилианович достиг с полки книги, ту самую, которая была роздана в 1920 году делегатам VIII съезда Советов. Эта книга — доклад съезду о плане электрификации РСФСР, знаменитый план ГОЭЛРО, с которого началось промышленное преобразование нашей Отчизны. По поручению Ленина Г. М. Кржижановский возглавлял тогда Государственный комитет по электрификации России.

— Однако же не эта объемистая книга является первой, посвященной электрификации нашей Родины, — вспоминает Глеб Максимилианович. — Первая книга выйдя из печати в 1920 году, она была всего-навсего маленькая брошюра в 51 страничку. Выпущена в свет была тогда настоящая победой...

— Я хорошо помню эту дату — это было 2 февраля 1920 года, — продолжает он. — Владимир Ильич, выступая на первой сессии ВШНГ сельского хозяйства, говорил:

«Мне удалось, благодаря помощи Государственного издательства и энергии рабочих типографии бывшей Кушнеревской типографии, добиться того, чтобы в очень краткий срок была издана брошюра Кржижановского «Основные задачи электрификации России». Завтра эта брошюра будет роздана всем членам ВШНГ».

И вот как создавалась эта брошюра. Архитектурное время переживали мы тогда. Чувственная разруха властвовала в молодом Советском государстве. Если хотите для сравнения цифру, то пожалуйста: мы сейчас в сутки вырабатываем много больше электроэнергии, чем тогда все наши станции за весь 1920 год. Толпином занимался лично Ильич. Каждый вагон с углем или дровами, подходящий в Москве или Питере, был на стражейшем учете. Не получив, а широким промышленным строительством, электрификацией страны можно было вывести Россию из такого тяжелого экономического состояния.

По поручению Владимира Ильича в короткий срок написал брошюру, которую назвал «Основные задачи электрификации России». Брошюра эта поправилась Ленину, и он задумал раздать ее членам ВШНГ.

В первом часу ночи Ильич вызывает управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича в свой кабинет:

«Условно, при которых нам пришлось выполнять работу для тов. Владимира Ильича, создались настолько ужасные, что мы смогли сделать только пять экземпляров. При пяти градусах мороза в мастерской машины совершенно не могли ходить. Вернуть руками литографские машины нет возможности. Камень в машине, смачиваемый капитом, возвращался после прохода открытым лдом. Валдик затвердела, краска замерзла, смоченная бумага, замерзая, ломалась. Наши усилия не привели ни к чему. Что мы перенесли, бог весть. Страшно одно: мы не смогли сделать для Владимира Ильича. Поймите, уважаемый Владимир Дмитриевич, мои личные переживания...»

И все-таки в точно назначенный срок брошюра вышла, вышла вместе с картой. Нашли маленькую литографию, где были ручные станки. Отголосие здесь было не паровое, а печное. Натопили помещение, как могли. Перевезли сюда камни из Кушнеревской типографии и отпечатали карту... И как раздалось, как гордились Ильич, когда ему вручили свеженький экземпляр брошюры, сообщив при этом, что весь заказанный тираж готов и может быть роздан членам ВШНГ, — закончил рассказ Глеб Максимилианович.

Вот она, эта историческая брошюра, написанная по инициативе Ленина, положившая начало великим работам по электрификации нашей Родины. Примечательна эпиграф, отнесенный на обложке:

«Век парта — век буржуазии, век электричества — век социализма». Взор наш остановился на другой брошюре, лежащей на столе академика Кржижановского. Это написанная им совместно с членом-корреспондентом Академии наук СССР В. И. Вейдем «Единная энергетическая система СССР».

Более трех с половиной десятилетий лежит между двумя брошюрами. Когда писалась первая, к берегам Волхова только пришли первые строители будущей гидроэлектростанции. Когда писалась вторая, создавались такие крупнейшие сооружения, как энергетические гиганты на Волге и на Агдере...

На заре советской власти Глеб Максимилианович одним из первых прокладывая пути электрификации нашей страны. Все последующие годы он продолжал руководить развитием советской энергетики. И ныне один из старейших революционеров и крупнейших ученых-энергетиков мира возглавляет работы по созданию Единой энергетической системы Советского Союза.

Сегодня, в день 85-летия Глеба Максимилиановича Кржижановского, наш народ отстает дань уважения ученому-коммунисту, неугомонному труженику.

Эд. АРЕНИН

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В КАЗАНИ

КАЗАНЬ. (Наш корр.). В минувшее воскресенье в Казани был проведен День поэзии. В книжных магазинах города выступили поэты Н. Арсланов, С. Баттал, Э. Давыдов, А. Исхак, М. Садри, С. Хамки и другие. Они рассказали о предстоящей в Москве декаде татарского искусства и литературы, прочитали свои новые стихи.

Вместе с поэтами Татарии в книжных магазинах выступили сталинградский поэт Ю. Окунев и московский поэт М. Львов, привозящие в Казань для поэтов над переводом стихов татарских поэтов.

Изданы произведения Н. Нариманова

БАКУ. (Наш корр.). В республиканском издательстве Азербейр вышел односторонним избранных сочинений выдающегося государственного и общественного деятеля писателя Наримана Нариманова. Вступительная статья написана Мирзой Ибрагимовым. В книгу вошли пьесы «Невежество», «Шам-дан-бек», «Надир-шах», роман «Бахадур и Соана», повесть «Священный очаг» («Пир») и другие произведения.

Из печати вышло также несколько литературоведческих работ, посвященных жизни и творчеству Н. Нариманова.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СПАСИТЕ ТАЛАНТЛИВУЮ СКУЛЬПТУРУ»

Под таким заголовком 18 декабря 1956 года в «Литературной газете» было опубликовано письмо А. Салынского по поводу скульптуры Э. Нейзельского «Первые крылья».

Главное управление изобразительных искусств совместно с Архитектурно-планировочным управлением Мостгорисполкома разрабатывало предложение об установке в парках и скверах Москвы к VI Всемирному фестивалу молодежи и студентов ряда монументальных скульптурных произведений, в том числе и скульптур «Первые крылья», которую предполагается установить перед зданием Военно-Воздушной академии имени Жуковского по Ленинградскому шоссе.

Прошло пять месяцев...

В. ЛЮБИМОВА

Оговорюсь сразу: эта статья написана после знакомства с несколькими московскими школами-интернатами и одним подмосковным. В ней, вероятно, не будет многого, что волнует педагогические коллективы интернатов других городов. Но жизнь даже каждого интерната так интересна, она ежедневно ставит такие живописные вопросы, что поговорить о них, посоветоваться сообща, думаю, полезно.

Идет пятый месяц работы школ-интернатов. Срок небольшой, но можно сказать — год на переделе. Стали яснее достижения и недочеты первого и второго этапа жизни интернатов. Внешний вид новых учебных заведений, о котором я писала 1 сентября в статье «В добрый час!», меня, как я опасалась, не разочаровал и ныне. Торжественные дни кончились, давно уже наступила будня, а атмосфера праздничности, ощущение порядка, безукоризненной «корабельной» чистоты остались.

Что обращает на себя внимание, как только вы переступаете порог школы-интерната? Что сразу кажется бесспорно хорошим? Натертые полы, обильное светлое. Кровати в спальнях аккуратно заправлены, открыты форточки, воздух свежий, в шкафах висят подглаженные платья. Все радует глаз и в библиотечной комнате, и в пионерской. В книжных шкафах много книг, которые несколько не пострадали от того, что детям разрешено брать их самостоятельно.

Тихо в школе. Но вот звонок, перемена. В коридорах сразу делается шумно. Дети приветливы, вежливы, аккуратно одеты, в их облике нет режиссуры, грубости. Из беседы с директорами и преподавателями выясняется, что значительно повисла успеваемость воспитанников, очень невысокая в первый месяц учебы. Дети привыкли друг к другу и в воспитателям, полюбили свой новый дом.

В школах-интернатах есть старшая и младшая мастерские, есть швейные машины, есть рояли и пианино, и не по одному, — чтобы дети могли обучаться музыке. Вам покажут продукцию маленьких умельцев: тщательно сделанные геометрические наборы из дерева, скрепки для снега, которые используются в хозяйстве интернатов.

Можно долго еще перечислять очевидные достижения школ-интернатов. Может быть, следует спокойно ждать дальнейшего накопления этих положительных качеств и ни о чем не тревожиться? Нет, поводы для тревоги есть, немало и очевидных просчетов и неполадок. Недочеты эти и организационно-материального порядка, и педагогического. Они тесно связаны между собой, о них трудно говорить отдельно. И все же попробуем сначала побеседовать о первых.

Интернат принципиально отличен от школы, отличен тем, что на его коллектив ложится во всей полноте огромная воспитательная задача — воспитание будущих строителей нового общества, разносторонне подготовленных к жизни, людей большой души и возвышенных идеалов, беззаветного служения своему народу. Тут уж нельзя утешать себя тем, что неидеальная школой воспитан семья, и наоборот. Интернат для ребенка все — и школа, и дом, и товарищи. Обстановка и атмосфера семьи, любовь, ласка, требовательность родителей — все это воспитанник должен получить теперь в своем интернате. Эту семейную обстановку во многих лучших интернатах уже удалось создать. Но интернат должен не только «повторить» семью, но и создать такие возможности для эстетического, нравственного, широко интеллектуального обогащения душевной и умственной жизни ребенка, которые может дать далеко не каждая семья.

Есть ли сейчас все условия для выполнения этой задачи? По-моему, нет. Конечно, хорошо, что в интернатах творческие люди проявляют инициативу, но насколько полнее шла бы работа, если бы, скажем, она основывалась на заранее продуманных и подготовленных программах!

В школах-интернатах действует учебный план обычной школы. Между тем он требует серьезных корректировок. Главный принцип советской педагогики — воспитывать в труде и для труда. Какие огромные возможности предоставляет в этом смысле школа-интернат? Не может быть сомнений, что ее воспитанники должны выходить из школы готовыми к труду. Думаю, что они должны иметь в руках не только аттестат зрелости, но и свидетельство о профессии. И это важней-

шее дело наталкивается на учебный план, в котором на труд отводится... два часа в неделю. Решительный директор, умеющий заглядывать в будущее, ломает этот порядок, вводит шесть часов вместо двух и начинает «схождение по крукам»: районные организации, которые, вообще-то говоря, внимательно занимаются интернатами, не могут решить «спитный» вопрос, надо обращаться в городской финансовый отдел, откуда посылают в Министерство просвещения, оттуда — в Министерство финансов, потом снова в Министерство просвещения — разомкнуть круг очень трудно.

Нужен инструктор-физкультурник, который направлял бы спортивные склонности детей, занимался бы с ними во внеурочное время. Уроки рисования по учебному плану даются только в пятом и шестом классах, всего два года. Многую ли можно научиться в такой короткий срок? Нужно начинать рисование с первого класса и вести до последнего, но нет штатной «линейки». А иностранный язык? Не раз говорилось о том, что в наших школах существенным пробелом в преподавании иностранных языков является отсутствие разговорной практики. Где-то, а уж в школах-интернатах есть самые благоприятные условия для изучения живого иностранного языка, для разговора с детьми на этом языке. Однако изучение его по тому же учебному плану начинается очень поздно — в пятом классе, когда четыре года уже упущено, и уж о каком там разговоре думать, успевать бы «протиснуть» грамматику. Некоторые директора на свой страх и риск пытаются ввести преподавание иностранного языка с третьего класса, вводят для малышей несколько «языковых» минут ежедневно — для запоминания слов, чтобы создать у детей хотя бы небольшой словарный запас. Но ведь это все кустарное решение вопроса, нужны методика, программы, преподаватели!

Если по-настоящему поставить учебные кройки и шитье, дети будут обивать себя сами, но часы на это учебным планом не предусмотрены. Так же обстоит дело с уроками по домоводству, с танцами, хоровым пением, обучением музыке. В одном интернате пытался музыкально одаренных детей, а обучает с трудом десять, да и то при помощи Института художественного воспитания детей. В другом — танцами и музыкой с детьми занимаются молодые шесты — студенты четвертого курса филологического факультета МГУ, кстати сказать, очень милые шесты, с которыми ребята крепко подружился и прихода которых всегда ждут с нетерпением.

Может создаться впечатление, что для удовлетворения всех потребностей школ-интернатов требуются очень очень большие денежные средства. Нет, можно обойтись без всяких дополнительных ассигнований. Деньги на школы-интернаты правительством отпускает с большой щедростью, израсходовать их за первое полугодие очень много, но, к сожалению, не всегда разумно. Надо пойти на простую, но решительную меру: дать директорам школ-интернатов практическую возможность распоряжаться средствами, варьировать в зависимости от потребностей штатные расписания, проявлять инициативу и полностью за нее отвечать (тем более, что до сих пор им приходится пользоваться временным Положением об интернатах и каждый день искать решения самим).

В некоторых интернатах сигналист, например, что десять воспитателей и пять классовых руководителей на сто пятьдесят человек — это слишком много. Можно уменьшить число воспитателей, но зато пригласить инструкторов по труду, по физкультуре, преподавателей музыки и пр. В других интернатах — там, где дети хорошо справляются с самообслуживанием, ощущают избыток уборщиц, но не хватает одной опытной няни, которая присматривала бы за ребятами во время сна. И все директора сходятся в одном: существующий мелочная опека их деятельности, учебный план не соответствующий требованиям учебной и воспитательной работы в интернатах, мешают нормальной жизни интернатов сейчас и, главное, в какой-то степени лишают их перспектив на ближайшее будущее. Кстати, о будущем: если в каждый интернат в следующем учебном году надо будет принять даже один первый класс, то это потребует по меньшей мере трех свободных комнат: од-

ной классной и двух спальных. В существующих интернатах таких трех комнат нет. Значит, нужно будет размещать новых воспитанников в тех помещениях, где сейчас библиотека, комната отдыха или пионерская. Это куда не годится. На территории школ-интернатов предполагается построить новые жилые корпуса, а теперешние здания сделать учебными. Однако строительство пока не начато, и незаметно, что оно скоро начнется.

Все эти переносные вопросы жизни школ-интернатов — а сколько еще можно назвать! — очень важны. Но есть еще более важные проблемы, самые главные и самые неотложные, которые сейчас отодвинуты на задний план, вероятно, из-за кажущейся «текучки» ежедневно возникающих сугубо практических дел.

В отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии идея создания школ-интернатов была сформулирована ясно: в них должны формировать «строителей нового общества, людей большой души и возвышенных идеалов». В эти школы надо подбирать «хороших воспитателей, отвечающих высокому призванию быть инженерами душ подрастающего поколения».

Каковы сейчас кадры воспитателей в интернатах? По какому принципу они подбирались? Конечно, многие из них заслуживают всяческого уважения, они добросовестно делают свое большое дело. Это опытные педагоги, перешедшие на работу воспитателей, это молодые учителя, еще неопытные, но ищущие, горячие, творческие люди, которые добьются своего. Но среди воспитателей интернатов есть люди, не отвечающие своему высокому назначению, и чем скорее уйдут они с работы, тем лучше. Во главе интернатов стоят в большинстве своем энергичные, инициативные директора, которые уже проделали колоссальную работу и многого добились. Когда разговариваешь с ними, они обычно в один голос жалуются на недостаточную общую подготовку воспитателей: немогут знать иностранный язык, музыку, домоводство, фотографию — все то, что интересует детей, сблизит их между собой, располагает к самому воспитателю. Надо немедленно приступить к подготовке воспитателей в педагогических институтах, организовать курсы, семинары.

И все же это не будет решением проблемы во всей ее глубине.

Недавно мне позволили сразу из двух интернатов и спросили, не смогу ли я прочесть воспитателям лекцию об этикете. Сначала меня удивили эти предложения, а потом насторожили: не уведет ли это чрезмерное внимание к внешней стороне воспитания от главной задачи — формирования «людей большой души и возвышенных идеалов»? Велюosity научить не так уж трудно. Ребенок легко запомнит, как встать и сесть, что есть вилкой, а что при помощи ножа, как здороваться и т. д., особенно, если он постоянно видит перед собой пример старших. Гораздо труднее сформировать характер и поведение человека в высоком значении этого слова. Разве не приходится наблюдать иной раз удручающее «воспитанных» людей, духовную нищету которых только подчеркивает это «воспитание»? Человеку большой души органически чуждо поведение хама. Он добр, великодушен, справедлив, принципиален, мужествен, всем сердцем и всеми почками предан своей Родине. Воспитание этих высоких качеств и составляет сущность нравственного воспитания.

Сейчас в школах-интернатах самое большое внимание обращено на поиски форм воспитания, о содержании же его думают меньше. Когда прочтешь в «Единичных требованиях к воспитанникам», выпробованных в некоторых интернатах, такое ощущение: «Когда ты ешь мясо, которое нужно разрезать на кусочки, держи вилку наклонно в левой руке, а нож в правой. Из руки в руку вилку и нож не перекладывай до конца еды...». То можно, улынувшись, признать некоторую пользу такого наставления. Но как хочется, чтобы не только дух благоговения царил в светлых, чистых помещениях школ-интернатов, но и высокий, страстный дух наших великих идей, дум и чувств!

Невозможно переоценить значение умелого подбора воспитательского коллектива в интернате. Только люди горячие, любящие детей, понимающие грандиозные перспективы развития советского общества, влюбленные в свое тончайшее искусство, должны браться за эту работу. Задача в детской душе огонек, который с годами разгорится в неугасимый пламя творческого отношения к жизни, — это ли не замечательная задача для воспитателя!

Сторона сибирская, а поэзия — всесоюзная

Выход в московском издательстве книги автора, живущего на периферии, — большое событие, праздник не только для самого автора, но и для всех его товарищей по работе, ибо не часто издаются в Москве областные писатели.

Недавно такой праздник выпал на долю новосибирца: в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов Казимира Лисовского «Сторона моя сибирская». Уже обложка обещает нечто экзотическое, сугубо «сибирское» — и заголовком, и темо-сизмом, «таежным» цветом, и изображением чего-то изощренного, напоминающего широкую лапу дремучей тайги.

Действительно, в оглавлении книги мы то и дело встречаем такие названия: «Валеске от большой земли», «Красный тум», «Земля, в которой Бегичев лежит», «На берегу Бисеса», «Безжал бродяга с Сахалина» и т. д.

Что же, подумает читатель, взяв в руки книжку К. Лисовского, по-видимому, К. Лисовский — поэт часто сибирский и этим, вероятно, прежде всего интересен.

Один из основных в сборнике — цикл «Город мой юности», посвященный Красноярску.

«Я улицы читаю наизусть», — говорит поэт, снова и снова идя к домику, где жил Владимир Ильич Ленин перед отъездом в шуншенскую ссылку, в нынешнем Дому просвещения, где звучал на митингах «железный голос Якова Свердлов», в Нардому, где собирав боевые дружины Михаил Урицкий...

В русской поэзии, в том числе и в советской, мы знаем немало стихов, посвященных родным местам. В огромнейшем большинстве — это стихи о деревне. Были воспеты в русской поэзии и столетние города — Москва, Ленинград.

Любовь к Родине, образно выраженная не через родные поля и березки, не через столбы или города-герои, а в поэтическом образе родного советского города, с заводскими трубами и проспектами, с его зданиями и причалами, — вот своеобразное выражение темы советского патриотизма у К. Лисовского.

Есть и другая душевная тема у К. Лисовского — дружба народов. Начинает она звучать в стихотворениях красноярского цикла и широкий размах приобретает в поэме «Безжал бродяга с Сахалина».

Один из великих мотивов поэзии К. Лисовского — воспоминание рыцарей, даже безвестных, даже безымянных, которые рвали судьбы Родины, умножали ее мощь и богатство.

Казимир Лисовский успешно разрабатывает эти, конечно же, «общесоюзные» темы по-своему, на своеобразном материале.

Ну, хорошо, темы, действительно, значительные. Но ведь бытает и так: интересные темы поэт не смог облечь в художественную форму, свежие мысли выразил банальными средствами, серендо, «провинциально», без своего художественного лица. Надо посмотреть на сборник К. Лисовского и с этой стороны.

В творческом методе К. Лисовского есть что-то от газетчика, очеркиста, в лучшем смысле этого слова. Ему не свойственны живописные поэтические раздумья, у него нет стихов на ответственные темы.

Чтобы написать, он должен видеть. Ведь он бывал и на съезде первой партии, и в мотили Бегичева, и в чумах сидел, и по Енисею плывал, и по алтайским горам бродил. И ежегодно продолжает свои поездки по родной Сибири.

Поэтому и непосредственность поэтического выражения идет у К. Лисовского не от бедности мастерства, а от богатства наблюдений.

Правда, подчас К. Лисовскому изменяет его умение точно выразить увиденное. Это особенно заметно в стихах, где поэт пытается выразить или, вернее, проиллюстрировать какую-либо известную мысль, где надо не столько наблюдать, сколько поэтически осмыслить злободневный дозвунг. Так построено большинство стихотворений цикла «Валеске от большой земли».

Мы хотим подчеркнуть одно: и недостатки в творчестве К. Лисовского вовсе не являются специфично «провинциальными», «сибирскими» — разве не оказывалось одно время на всей поэзии болезнь «общих мест»?

Для иного читателя может показаться странной вся направленность данной статьи. А нужно ли записывать К. Лисовского от обвинения в местной ограниченности, в периферийном звучании его творчества? Да, нужно! В книжке, вышедшей в Москве, поэт Лисовский представлен всесоюзному читателю обобщенным.

У Лисовского есть цикл стихов, посвященных Адаму Мицкевичу. — интересный цикл, излюбленное название которого доказывать не приходится. А художественно он сделан на уровне лучших стихов Лисовского, в той же точной, вышуклой манере.

Почему цикл не попал в книжку? Да лишь потому, что Мицкевич — такая же «сторона моя сибирская»? Поэт выбыл из предназначенных ему издательством рамок, и... всесоюзный читатель вынужден считать Лисовского «оноиным» поэтом, который, кроме Сибири, ни о чем не пишет.

Не попала в книжку и повесть в стихах «Русский человек Бегичев», одно из наиболее интересных произведений К. Лисовского. Именно в этой повести поэту удалось создать значительный художественный образ простого человека, бодана, который своими делами поднялся до уровня крупнейших исследователей, землепроходцев, первооткрывателей.

Почему повесть не представлена всесоюзному читателю? Издательство «Советский писатель» ответило на это исчерпывающе: книжка залпанирована в четыре листа, и ни строчки больше. Нормально ли, что творческий диапазон поэта определяется априори спланированным листажом? Если уж сочли поэта достойным том, чтобы он полнее и ярче был представлен. Не это ли будет правильнее?

Добавок ко всему «Сторона моя сибирская» издана тиражом в пять тысяч экземпляров. Такое количество свободно разойдется в одной Новосибирской области! Право же, сморщив на все это и думаясь: нет, вовсе не желало издательство сделать стихи интересного сибирского поэта достоянием всесоюзного читателя.

Упреки можно было бы оставить себе, если б дело касалось только Лисовского... Ну, неудачно, мол, сделали один сборник... с кем не бывает! Однако пренебрежительное отношение к поэтам, живущим далеко от Москвы, стало, к сожалению, дурной традицией во многих центральных издательствах. Вот несколько примеров.

За тридцать лет своей работы крупный, талантливый сибирский поэт Илья Мухачев издавался в центральных издательствах всего лишь два раза. Уже много лет работает в поэзии Николай Алексеев, а в Москве только один раз, еще до войны, вышел тоненький (в два листа!) сборник его стихов. Ни единого столичного издания своих произведений не имеет Ияновский Луговской. Мы назвали далеко не все имена.

Но, может быть, эти поэты еще более «провинциальны», чем К. Лисовский? Примерно года два назад в «Литературной газете» была опубликована рецензия М. Светлова на стихи И. Луговского. М. Светлов удивился, что до сих пор не знает такого интересного поэта. И уже совсем недавно мы все прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении И. А. Мухачева орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в области литературы.

Нет, провинциальные «второразрядные» поэты, а всесоюзно признанные художники живут в Новосибирске, Иркутске, Красноярске и во многих других городах нашей страны. Не на адрес поэта надо смотреть, а на его творчество, товарищи издатели! И в сибирской стороне создается общая советская литература.

А. НИКУЛЬКОВ

В выставочных залах Московского Союза советских художников состоялось открытие выставки произведений заслуженного деятеля искусств РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств СССР живописца А. В. Куприна и скульптора Г. И. Мотовилова. На снимке: посетители выставки осматривают скульптуру «За мир» работы Г. И. Мотовилова.

Фото Э. Евзерихина

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ОРЛЕ

ОРЕЛ. (Наш корр.). Многие наши выдающиеся писатели были уроженцами Тульской, Орловской и других соседних с Московской губерний. Об этом часто вспоминали участники состоявшейся в Орле научной сессии, посвященной открытию литературного музея «Писатели-орловцы».

В сессии, организованной Государственным музеем И. С. Тургенева и Институтом русской литературы (Пушкинский дом), приняли участие ученые, литературоведы, журналисты Москвы, Ленинграда, Тулы, Казани, Брянска и других городов.

Были заслушаны доклады о жизни и творчестве замечательного ученого и педагога Т. Грановского, писателя Н. Лескова, Л. Андреева, И. Бунина, М. Пришвина и ряд других. С интересом было выслушано сообщение доктора Загребского университета А. Флакера о влиянии творчества Тургенева на развитие хорватской литературы.

На сессии было сделано сообщение о подготовке многотомного издания писем Тургенева.

„Наш вторник“

Редакция «Литературной газеты» начала цикл вечеров — встреч с деятелями искусства, литературы, науки. Первый такой вечер — «Наш вторник» — состоялся 22 января.

Композитор Е. Петунин познакомил собравшихся со своими новыми произведениями — мелодией для виолончели и фортепиано и элегическим трио «Памяти Рахманинова». Оба произведения были исполнены солистами оркестра Большого театра СССР виолончелистом Л. Познянским, скрипачом И. Ермоленко и автором.

Артисты Театра имени Вахтангова Т. Коптева, Л. Целиковская, Г. Абрикосов и Ю. Любимов исполнили сцены из спектаклей «Фома Гордеев» и «Первые радости».

На вечере выступили также хореографический коллектив Центрального дома культуры трудовых резервов (руководитель И. Лыткина), писатель В. Ардов и один из старейших мастеров конференции А. Алексеев. Режиссер Б. Барнет рассказал о работе над новым фильмом «Поэт» по сценарию В. Катаева. В заключение состоялся просмотр этого фильма.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу через «Литературную газету» передать мою глубокую благодарность всем организациям и лицам, благодаря которым меня в связи с награждением орденом Трудового Красного Знамени и по случаю моего шестидесятилетия.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Еще раз о наследии А. Веселовского

Статья Н. Гудзия «Забывшие имена» поднимает вопрос, который давно уже волнует советских ученых. После XX съезда КПСС стал совершенно очевидным вред нигилистического отношения к научному наследию в области русского дореволюционного литературоведения. На протяжении многих лет история отечественной науки о литературе освещалась односторонне, а буржуазно-демократическое литературоведение отождествлялось либо с реакционной наукой (а о ее существовании в России забывать не следует!), либо с либерально-буржуазной мыслью в области социологии и политики. В последнем случае ленинская характеристика политического содержания буржуазного либерализма механически переносилась на научную деятельность Буслаева, Пыпина, Тихонова, Александра Веселовского и др. Подлинно научная критика идейной ограниченности и методологических недостатков этих ученых подымалась «спорадически».

Однако, протесту против нигилистического отношения к Веселовскому, мы хотели бы одновременно привлечь внимание и на другую опасность — на возможное возрождение апологетического к нему отношения, которое имело место в 1938 году, в дни 100-летнего юбилея со дня рождения ученого, и в последующие годы среди некоторой части советских литературоведов.

Такое восприятие Веселовского нуждается в критике, но беда наша заключалась как раз в том, что вместо деловой, марксистской критики подлинных недостатков Веселовского огульно отвергались все его наследие. На наш взгляд, восстанавливая доброе имя Веселовского как русского ученого, следует сразу же дать себе ясный отчет в том, что мы нуждаемся сейчас не в новом словоупотреблении, а в глубоком, конкретно-историческом, критическом изучении наследия этого крупнейшего представителя дореволюционной буржуазной науки.

В. ГУСЕВ

В отношении к Веселовскому можно заметить две концепции. Одна сводится к тому, чтобы представить его ученым «шестидесятиником», вполне сложившимся в конце 50-х годов, под влиянием идей русской революционной демократии. Другая сводится к тому, чтобы представить Веселовского последователем теории замещения на всем протяжении его деятельности (в этом случае высказываются прямо противоположные оценки). Думается, что ни та, ни другая концепция не подтверждаются научным анализом.

Сближая научные взгляды Веселовского с идеями революционных демократов, исследователи исходили из факта совпадения некоторых литературных оценок и формулировок, а также из автобиографических свидетельств самого Веселовского. Между тем более существенным является сравнение всей совокупности научных взглядов и методологии Веселовского с подходом к литературе и народной поэзии революционных демократов. Смысл и значение литературной деятельности революционных демократов заключались в том, что эта деятельность органически связывалась ими с задачами освободительного движения, с идеей крестьянской революции. Веселовский же, конечно, был далек от такого понимания задач науки. А без этого всякое сближение Веселовского с революционными демократами становится беспредметным.

Здесь уместно подчеркнуть, что, обращаясь к научному наследию академического литературоведения, используя его достижения, мы не должны забывать о том, что основная линия методологической преемственности советской науки о литературе восходит именно к наследию наших великих революционных демократов (это,

разумеется, не исключает необходимости критического отношения к последним). Следует также добавить, что неправомодно было бы ограничивать значение деятельности революционных демократов лишь областью литературной критики, отрывая таким образом развитие литературоведения от тех методологических принципов, на которых основывалась литературная деятельность революционеров-шестидесятников.

Отрицая правомерность сближения Веселовского с революционными демократами, в то же время можно и следует говорить о демократизме взглядов Веселовского и о прогрессивности его методологии по сравнению с современными ему господствовавшими направлениями и школами буржуазной науки, в том числе и по сравнению с теорией замещения, а в фольклористике — по сравнению с исторической школой и теорией аристократического происхождения искусства.

Исследование наследия Веселовского приводит к заключению, что он претерпел известную эволюцию. Схематически ее можно выразить так: Веселовский начал свою деятельность как создатель теории исторической мифологии (ее не следует отождествлять с мифологической школой), затем перешел к теории исторической народности или взаимодействия культур (которая не может быть отождествлена с теорией замещения) и в конце своей деятельности пришел к теории психологического и бытового самозарождения или «бытовых основ» искусства. На протяжении всей своей деятельности Веселовский пользовался сравнительно-историческим методом, привлекал обширный фактический материал, но методологическое содержание его деятельности было различным. Сравнительно-исторический метод на разных этапах применялся Веселовским по-разному и приводил его к различным выводам. Вот почему неверно отождест-

МАСТЕРСТВО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

О ЧЕРК призван заниматься человеком и задачи «человековедения», и задачи популяризации, задачи познавательного характера. Читатель, обращаясь к очерку, хочет видеть образы своих современников, но есть у него и другая потребность, есть и другие запросы: он ждет, чтобы очеркисты соединенными усилиями рассказали ему о том новом, что рождает наука и техника в своем безостановочном движении вперед, чтобы они раскрыли перед ним мир научного и технического творчества во всей его широте, донесли романтику этого творчества, поэзию исследований, исканий. Между тем мы, критики, обращаясь к очерку, мало уделяем внимания этой его стороне, редко и неохотно пишем о том, как рошат те или иные очеркисты познавательные задачи, не анализируем удач и неудач в этой области, не нацеливаем очеркистов на овладение высотами благородного мастерства популяризации.

«Наука и техника развиваются по пути все большего овладения высокими и сверхвысокими скоростями, давлениями и температурами», — говорит И. А. Булатин на июльском пленуме ЦК КПСС. — «Воспешной современного этапа развития науки и техники является открытие методов получения и использования внутриаионной энергии. Мы стоим на пороге новой научно-технической и промышленной революции, далеко превосходящей по своему значению промышленные революции, связанные с появлением пара и электричества».

В преддверии этой научно-технической и промышленной революции особое значение приобретает очеркист, владеющий умением о сложном, специальным, доступном только узкому кругу профессионалов рассказывать просто, понятно и поэтично, обнажая самое существо технического новшества или научного открытия, делая его наглядным, общедоступным, приобщая читателя к процессу творчества. Вспомним хотя бы очерки В. Орлова об использовании внутриаионной энергии, напечатанные в «Известиях» (за 10 августа и 9 сентября 1955 года). — «Атомная электростанция» и «Угнетательное синхроциклотрон».

И в этих газетных работах, и в разветвленном журнальном очерке «Россия атомная» («Наш современник», книга вторая и третья за 1956 год) В. Орлов предстает перед нами, как зрелый и разносторонний мастер. Он умеет найти законное и точное сравнение, чтобы ввести читателя в курс дела («В той гигантской пещере, на которую похож синхроциклотрон, магнитное поле играет роль ремня, удерживающего камень на привязи»), умеет нарисовать обстановку, передать непосредственное ощущение очевидца:

«После краткой борьбы с ключами я извлек из кармана железную связку, извращавшуюся и высклизывавшую из рук, как живая, сильная рыба. Приходилось все сильнее сжимать кулак и все больше напрягать бицепс: нарастающее магнитное поле ташило ключи, упругие силовые линии присосались к ним, как шпательные спирты-невидимки. Ясно ощущалось направление силовых линий, обнаружилась сложная структура магнитного поля, как бы прощупывалась его незримая мускулатура».

После шутливого пересказа институтских «легенд» о прокатах гигантского магнита («удрало от уборщицы железное ведро, провалился кратковременный идеалистический сдвиг в сознании этой, не склонной к мистике старушки») В. Орлов умеет перейти к серьезному: «Мне припомнились философские споры о природе электромагнитных полей, возникавшие еще на студенческой скамье. Жаль, что тут вот, по соседству с громадным магнитом, не стоят сегодня философы-идеалисты, отрицавшие когда-то материальность магнитных полей».

ПОДЧАС очерк познавательного характера бывает лишен детально разработанных образов людей, лишен героя. Всегда ли это можно ставить в упрек очеркисту? Все дело в том, какая задача стояла перед автором. Прельщаясь к любому очерку выработанные раз и навсегда универсальные, негущиеся требования, критик рискует оказаться в положении догматика, игнорирующего конкретное многообразие литературных форм. В свое время очеркист И. Осипов в работе «Остров семи кораблей» рассказав нам о том, как советские люди научились добывать нефть со дна моря. На обсуждении этого очерка раздавались, между прочим, и такие голоса: «Да, написано живо, картинно, создается ощущение, что побывал на месте и видел все своими глазами, но почему, дескать, не проследжены отдельные человеческие судьбы, не разработана глубже человеческая психология?» Однако тогда же на обсу-

Нат. СОКОЛОВА

жении большинство высказалось в том смысле, что у очеркиста была своя задача — познакомить читателя с новым, совершенно неизвестным видом нефтедобычи, с невиданным до этого пейзажем, с той своеобразной обстановкой, в которой пришлось поработать геологам и первым морским нефтяникам. И эта задача выполнена, боль скоро читателю кажется, что он перенесся на место действия.

Несколько лет назад, когда мы впервые услышали слова «шагающий экскаватор», когда каждый из нас испытывал потребность узнать возможно больше о грандиозных стройках, представить себе, как все это выглядит в реальности. Ан. Злобин познакомил нас с историей создания шагающего гиганта, затем показал его в работе, в действии, на широком фоне нового, необычного, поражающего своими масштабами строительного пейзажа. Помнится, там не было ярких портретов людей, но мы были благодарны молодому очеркисту за то, что он нарисовал общую картину строительства, вывел нас на просторы Волго-Дона, о котором тогда думала вся страна. Скажем еще раз: не существует канона, некоего единого очеркового эталона, к которому следовало бы примерять каждый очерк, подгоняя его по готовой мерке. — Все зависит от индивидуальности автора, от задачи, которую он перед собой ставит.

Для В. Орлова характерен, как мы видели, крен в сторону «чистой популяризации». А вот очеркист Юрий Вебер в своей последней книге, смело показав читателя в мир технического творчества, стремится на сравнительно небольшой площади воспроизвести характеры и взаимоотношения людей, развернуть сюжет.

Документальная книга Ю. Вебера «Разгаданный секрет» выпущена в свет Лениздатом, но, как всякая хорошая книга, она адресована не только юности. — Се с удовольствием прочтет и взрослый читатель. В книге идет речь о точнейшем измерительном инструменте — малых металлических пластинках, которые называются часто «сплитками» и которые широко распространены в машиностроении в качестве основных средств сохранения единства меры длины.

Книга Ю. Вебера состоит из двух частей. В первой очеркист обстоятельно, только, но обременяя читателя технической терминологией, рассказывает об основных свойствах и особенностях плиток, о сложнейшем процессе их производства. Все это интересно, даже увлекательно, и на этом можно было бы кончить книгу. Но Ю. Вебер на этом не кончает, и правильно делает. «Ну вот, кажется, можно было бы и распрощаться с этим удивительным предметом. Проводя меня до дверей, старший мастер пожал руку и сказал как бы между прочим: «Так-то мы и живем сейчас. А было... Знаете ли, как все это доставалось...»

О том, как «все это доставалось», и рассказано во второй части книги. Книга Вебера повествует о том, сколько испытаний выпало на долю «простых людей заводов, стремившихся разгадать тайны плиток, точности, раскрыть секреты их производства». Рисует образ изобретателя Дмитрия Семенова, который «заболел» идеей механизации сложнейшей операции доводки плиток, очеркист открывает своим ключом творческую лабораторию новатора, делится с вами тонкими наблюдениями из области психологии технического творчества, заражает вас горячкой исканий, неукротимой страстью стремления к цели. В книге есть отличные находки писателя-популяризатора: вы легко схватываете техническую идею, когда Вебер рассказывает, как поплавок закинутой удочки «подсказал» изобретателю идею свободного крепления верхней доски в его станке для доводки, а кардиль в ролином слое наведя его на мысль о таком порядке движения плиток, при котором эта плитка будет сохранять равновесие, «плавать». И наряду с этим автор не боится показать своего героя в горькие минуты отчаяния и даже малодушия, не прячет трудностей, не скрывает, что путь к успеху не прост, лежит через цепь провалов и неудач.

Традиции, на которые опирается Ю. Вебер (и многие другие очеркисты), — это горьковские традиции. А. М. Горький писал:

«Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода».

Традиции, на которые опирается Ю. Вебер (и многие другие очеркисты), — это горьковские традиции. А. М. Горький писал:

«Прежде всего — и еще раз! — наша книга о достижениях науки и техники должна давать не только конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенно преодоление трудностей и поиски верного метода».

метим, что на актуальность дискуссий о матриархате вплоть до нашего времени указывает ряд советских современных этнографов, в частности М. Косен в его книге «Очерки истории первобытной культуры».

Пролетарская судьба поэзии в эпоху после разложения родового строя, Веселовский пишет: «Общественная борьба создает политическую, партийную песню».

Таким образом, Веселовский в конце 90-х — начале 900-х годов стоял на передовых научных позициях. Однако даже в эти годы Веселовский не вышел за пределы буржуазной идеологии и методологии. Это особенно ярко бросается в глаза при сопоставлении трудов Веселовского с работами Плеханова по тем же вопросам, написанными на тех же материалах, создававшимися приблизительно в те же годы («Письма без адреса», «Искусство в точки зрения материалистического объяснения истории», «Об искусстве» и др.). Если Веселовский остановился на признании бытовых и психологических основ искусства, то Плеханов установил подлинно материалистический взгляд на происхождение искусства в процессе трудовой деятельности человека и обусловленности эволюции искусства развитием производительных сил и производственных отношений, установил сложную опосредствованную связь искусства с материальными условиями существования человеческого общества. В связи с этим Плеханов придавал большое значение трудовым, рабочим песням, о которых Веселовский лишь упоминал вскользь.

Веселовский стоял на точке зрения

Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как arena борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивляющиеся материя и традиции».

В этом же направлении работает и Е. Строгова, в книге которой «Вдохновение и искусство» («Советский писатель») целый раздел так и называется «Путь к открытию». Недром она с таким сочувствием приводит слова видного нашего оптика Д. Д. Максудова о том, что момент открытия, конечно, прекрасен, интересен, но «стремление к открытию, предшествующая ему постоянная работа и борьба мысли могут быть интереснее. Как бы это сформулировать: счастье не в открытии, а в открывании».

Такой очерк Е. Строговой, как «Магия зеркала», как раз и написан не об «открытии», но об «открывании», о том, как нашли, точнее, как искали и как в конце концов наши советские люди технологического производства оптическое стекло — самого однородного, самого прозрачного вещества в природе, в сравнении с которым ридниковая прозрачность дистиллированной воды кажется несовершенной. Строгову интересуют самая методика поисков, высокий накал исследовательского напряжения, в результате которого и была выиграна «битва за стекло».

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ у нас появилось много книг, рассказывающих об основах современного производства. Летиз выпустил книгу И. Пешкина «Как рождается сталь» — о металлургии, но почетным и благородным труде металлургов; издательство «Молодая гвардия» — «Книгу о металле» С. Болдырева и новую работу З. Перля «Повесть о машине», которая является попыткой решить трудную задачу — увлекательно изложить начальные сведения об основных вопросах машиноведения для самых широких слоев читателей.

Такие книги нужны, и как нужны! Кроме всего прочего, эти работы восполняют те серьезные пробелы, которые мы имеем в деле политтехнизации нашей школы. И, может быть, не одному юному, стоящему перед выбором профессии, такая книга поможет полюбить и понять техническое творчество, найти свое призвание.

Среди нашей молодежи существует распространенное поверье, досадное преубеждение — дескать, ничего интересного не может быть в какой-нибудь технической промышленности, настоящая творческая жизнь ждет молодого производственника только в металлургии, машиностроении, на крупной стройке. Боюсь, что наши писатели, и в частности очеркисты, увлеченные романтикой тяжелой индустрии и промышленного строительства, тоже способствовали рождению этого мифа. А не пора ли с ним покончить?

Хорошая книга Е. Борисова и И. Пановой «О самом обыкновенном», написанная скромно и точно, повествует о таких будничных, обычных вещах, как производство сахара, колбасы, как выпечка хлеба или пастеризация молока. Авторы написали очень верную интонацию: описывая существующие технологические процессы, они неизменно ставят вопрос, как их можно улучшить, где еще может и должен приложить руку человек, намекая на нерешенные задачи, малоизученные вопросы. Книга не просто описывает, не просто знакомит с неземным — она зовет к труду, к исследованиям. Когда узнаешь, что во многих цехах мясокомбината работают весьма совершенные механизмы, но для операции отделения мяса от костей «машинная эра еще не наступила», или когда читаешь описание сахарного завода заграничного дня, который будет разрабатывать и создавать сегодняшние десятиклассники, то невольно думаешь с хорошей завистью: «Какой начальный край работы, какая напряженная творческая жизнь ждет нашу молодежь в пищевой индустрии!»

Популярная книга, расширяя кругозор школьника, студента, рабочего, интеллигента, делает большое, важное государственное дело.

В НЕБОЛЬШОЙ газетной статье, разумеется, обо всем не скажешь, всего не охватишь. Мне хотелось только поставить этот вопрос на страницах «Литературной газеты», привлечь внимание к мастерству популяризации, которое у нас незаслуженно остается в тени, о котором мало пишут, редко вспоминают и к которому мы подчас относимся не по-хозяйски. А между тем читатель требует новостей с переднего края науки, техники, и завтра он будет еще требовательнее, чем сегодня. Литература должна быть к этому готова.

религиозного происхождения искусства, что является общепризнанным положением буржуазной эстетики, начиная от Гегеля вплоть до наших дней; Плеханов же убедительно показал, что искусство возникло до появления религии, что художественное освоение мира предшествовало его религиозному осознанию (Плеханов не отрицал при этом воздействия религиозных представлений на искусство в ходе его дальнейшего развития). Выводы Плеханова блестяще подтверждались современными археологическими данными.

Рассматривая возникновение родов поэзии — эпоса, лирики, драмы, Веселовский, опровергая посылки гегелевской эстетики, в сущности, пришел к гегелевской схеме; Плеханов же диалектически поставил вопрос об одновременном возникновении всех родов поэзии из первобытной рабочей поэзии. Таким образом, что бесценен был сделать Веселовский, оказался под силу Плеханову. И этот факт особенно поучителен — он знаменует собой кризис буржуазной методологии и научную трагедию даже лучших представителей буржуазной науки и превосходство подлинно научной марксистской методологии в области эстетики. Об этом должны помнить советские исследователи, отдавая дань уважения таланту, зрелости и научной честности Веселовского, внимательно изучая и критически осваивая его труды, отменяя несправедливые оценки его деятельности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 11 24 января 1957 г. 3

КИТАЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Это было в Чанчуне

В начале декабря я поехал в Пекин в Чанчунь, на первый автомобильный завод, расположенный на северо-востоке Китая. Север дает себя знать. В Пекине — тихая, ровная зима, мягкий солнечный свет. А здесь — Дунбий, северо-восток. Зима суровая, под стать нашей русской, с сильными морозами и ветрами.

В первый же день приезда в Чанчунь я встретился с главным инженером автозавода товарищем Го Ли. Мы долго беседовали о заводских делах, о темпах роста производства и, само собой разумеется, об узких местах, которые еще мешают движению завода. Го Ли хорошо говорит по-русски; в течение года он изучал автомобильное производство в Москве на заводе имени Дзержинского.

Осеню пятьдесят шестого я собрался в путь-дорогу на Восток, я отобрал нужные мне книги, наклеил на вагон три листа карт Китая, вырезанные из Атласа мира (точные карты, которые очень пригодились мне в большом путешествии), подумал и захватил с собой один маленький листок бумаги с короткой записью в семь строк.

История этой записки такова: в феврале пятьдесят четвертого года в Москве, в инструментальном цехе московского автозавода, я сдружился с группой комсомольцев, — они-то и познакомили меня с молодым китайским рабочим по имени Хе Фу-дай. Учителем у Хе Фу-дая был слесарь-бригадир Василий Семенович Титаев. Однажды мы все пошли в гости к Диме Романову, веселому другу Хе Фу-дая. Вот так они и запомнились мне, два молодых слесаря-инструментальщика, — китайец и русский. Дима был в телешкине, обтянутой крепкую груду, и в шапочке, сделанной из плотной бумаги. А Хе Фу-дай — невысокий, черноволосяный — в коричневой кожаной курточке и в синей кепочке, обшитой на затылок. Вот тогда-то, в одной из комнат, куда все гости были перепеты и шум и галдеж стихли, Хе Фу-дай набросал мне несколько строк о своих московских впечатлениях. Я, конечно, не думал в то время, что пошутил когда-нибудь в Китае, хотя, как и все наши люди, очень мечтал об этом, а просто так, для доброй памяти, мы обменялись записками: я вписал в тетрадь китайского практиканта, а он — Хе Фу-дай — взял из Диминой тетради листок в клетку и, задумавшись о чем-то, не спеша набросал свои семь строк.

И вот я в Чанчуне... Разумеется, мне очень хотелось встретиться со слесарем Хе Фу-даем, и я почти был уверен, что найду его на первом автомобильном заводе, машины которого имеют на радиаторе пять звезд и китайские иероглифы («Освобождение»). Но найти его было не так-то легко. Китайские товарищи хотели мне помочь, они внимательно прислушивались к тому, как я произношу имя слесаря, но оказавшись, что среди восемнадцати тысяч рабочих много товарищей по фамилии Хе. Двенадцать дней я пробыл на автомобильном заводе, потерял всякую надежду увидеть Хе Фу-даю, перестал о нем спрашивать; и все же мне почему-то грустно было расстаться с мыслью, что я не увижу Хе Фу-даю...

В последний день, прощаясь с заводом, я пошел по цехам, где у меня уже были новые добрые знакомые, мы обменялись адресами, фотографировали в середине дня я вошел в инструментальный цех, здесь же мне встретился советский специалист Валерий Павлович Вадянин. Невысокого роста, начинающий толстеть, Валерий Павлович шел по цеху, сложив руки на животе, и неторопливо рассказывал мне о делах инструментальных. Я задавал вопросы, Вадянин коротко отвечал.

Валерий Павлович обратил мое внимание на работу шифровальщиков; глядя на сосредоточенные лица китайских рабочих, я подумал о том, что есть в работе инструментальщиков то особенное, что можно было определить как мудрое, тонкое мастерство. И стоило мне вслух заговорить об этом, как Валерий Павлович ожил и коротко сказал:

— Допуски у нас жесткие... Работа, как вы сами видите, умная, тонкая. Здесь, можно сказать, закладывается будущее завода... — Он сердито хмыкнул и добавил: — А считаемся, что у нас в СССР, что здесь в Китае, вспомогательным цехом... И уже не дожидаясь больше моих вопросов, он с большим уважением стал рассказывать о мастерстве китайских инструментальщиков.

— Цепкий народ! За два года работы в этом цехе я, советский специалист, — сказал так: сунуть язык, — можно сказать, вплотную увидел руки, ум, душу китайских товарищей и поэтому попросил бы вас, товарищ корреспондент, взять на заметочку такие две черточки, в которых, как мне думается, выражается характер китайского рабочего: я говорю о скромности и трудолюбии. Прому ш, запишите: трудолюбие и скромность! Отсюда и успех. В настоящем и в будущем.

Когда мы расставались с Валерием Павловичем, я снова, уже без всякой надежды, спросил его: не знал ли он такого слесаря по фамилии Хе Фу-дай?

— Знаю, — сказал Валерий Павлович, — и сейчас покажу его вам.

Он не спеша направился со мной в один из цехов. Хе Фу-дай не было у тисков, было обложено время, и Хе Фу-дай ушел в столовую. Кто-то побежал за ним; я стоял у разметочной плиты, дожидаясь Хе Фу-даю, в душе побаиваясь, а тот же это Хе Фу-дай, которого я ищу. И тут произошла эта удивительная встреча. Сначала мне бросился в глаза высокий, широкоплечий человек, который не спеша шагал по пролету, закрывая худощавого юношу в синих выцветших штанах. Они поравнялись со мной, и тут я увидел Хе Фу-даю. Он держал в руках плоский алюминиевый котелок с горячим рисом. Черная косая прядь нависла на лоб, он тряхнул головой, и я увидел удивленно вскинутые брови и по-малышески веселые, озорные глаза. Валерий Павлович толкнул меня в плечо: — Он?

— Он самый... Я сразу узнал его. Это был Хе Фу-дай. Он повзрослел за эти два года, что мы не виделись, чуть похудел, смугловатый с редкими скулами и большими горячими

глазами, тот самый Хе Фу-дай, которого в Москве, в третьей инструментальной, наши комсомольцы прозвали «Стремительный». Да и он узнал меня.

— Корреспондент... — сказал он тихо. Нас окружили рабочие, и Хе Фу-дай быстро и горячо стал мне что-то рассказывать. Я увидел знакомое мне китайское слово «цзинь». Эти два иероглифа «цзин» и «чжэ» можно перевести так: человек, который записывает.

Я развернул ту самую записку, которую я захватил с собою в Китай.

Хе Фу-дай поставил котелок с рисом на разметочную плиту и взял из моих рук чуть помятый листок в клеточку. Он перевел свои черные блестящие глаза с меня на листок бумаги и с листка на окруживших нас рабочих; потом медленно, отчетливо прочитал по-русски свою старую записку:

«Мое впечатление. На всю жизнь я не забуду горячую заботу и помощь советского народа. В знак благодарности за эту заботу и помощь я буду изо всех сил хорошо учиться на практике советскому передовому опыту. Хе Фу-дай, 18/II-54 г.»

Я спросил Хе Фу-даю, что нового в его жизни, он засмеялся и сказал:

— Много, очень много нового! Надо встретиться...

И он пришел ко мне, пришел не один, а с девушкой в красной шелковой на вате курточке и серых брюках. Распахнувшись дверь, и на пороге, держась за руки, стояли Хе Фу-дай и девушка, которая принесла так много нового в его жизнь. Это была его жена. Мы познакомились. Ее зовут Сю-ин. Веселые, с раздумьями-опоминками, повели к себе домой в гости.

Хе Фу-дай стал рассказывать мне о Москве, о заводе: где Титаев, где Дима Романов, где Турбасов, такой веселый, хулиганский мастер. Как говорит в Китае о таких людях: лаоженг — старик. Хорошо помнятся китайскому слесарю стихи старого мастера:

Так стройте же смелее пятилетку, чтобы и ваша расцвела страна!

Сю-ин наполнила меня чудесным, душевным чаем. Я смотрел на них обоих, таких молодых, веселых, живых, и не мог наглядеться: столько жизненной энергии было в каждом их жесте, движении, слове. Я все сравнивал того Хе Фу-даю, которого я знал в Москве, с нынешним — слесарем-бригадиром, студентом вечернего автотракторного института...

Дима Романов подарил мне книгу, — вот она лежит на столе у Хе Фу-даю. «На память дорогому китайскому товарищу Хе Фу-даю от русского товарища Романова Димы».

Помните, Хе Фу-дай! Это было в тот зимний вечер, когда все мы, твои друзья, собравшись за простым домашним столом у Димы Романова. Ты пел китайскую песню, пел на своем родном языке. Нам был знаком русский перевод этой песни:

Вставай, кто рабства больше не хочет! Великой стеной отваги защитим мы Китай!

Вставай! А по-китайски: цинай! В комнате было очень тепло, трудно было повернуться, столько набилось молодежи. Отец и мать Димы стояли у стены, прижавшись друг к другу: рано постаревшие, с усталым лицом, Клавдия Фермова и Владимир Андрианович — строгаялицы с «Динамо». Они смотрели на Диму и его товарищей и улыбались их молодости, их радости, их боевому задору.

— Тунчжи! — Владимир Андрианович шагнул к Хе Фу-даю. — Товарищ! Ведь мы, русские рабочие, с давних пор о вас думаем... Можно сказать, со времен Паши Кочагина... Бери в руки его книгу «Как закалялась сталь». Читай: «В комнате Кочагина, на столе у окна, груды принесенных из партийной библиотеки книг, стопа газет, несколько исписанных блокнотов... А на двери... огромная карта Китая, утыканная черными и красными флажками». Вот, брат, откуда оно: цинай!

Все это вспоминалось нам с Хе Фу-даем в час нашей встречи на китайской земле. Я, по правде говоря, сначала думал, что это было два с лишним года тому назад, где-то на окраине Москвы, все это или почти многое забылось... Но вот, оказывается, ничего не забылось, все помнится — и песни, которые пелись в ту вьюжную ночь в маленькой, тесной комнате, и шумные наши споры, и разговоры о настоящем и будущем.

Хе Фу-дай рассказывал мне о своей жизни за эти два с половиной года, начиная с того дня, когда он вернулся из СССР домой, и особенно об одной встрече, которая послужила поворотным пунктом во всей его дальнейшей судьбе, — это история его любви к Сю-ин. Он поехал в отпуск на родину, в маленький город Нинбо, что за Шанхаем, и там в доме своего товарища увидел Сю-ин. Увидел, как говорится, в минуту жизни трудную. Сю-ин не выдержала экзамен в институт.

— Сидит, бедняжка, тихая-тихая... Хе Фу-дай старательно произносил по-русски: — Сидит, приголовившись... Он стал расспрашивать ее о ее бедах, присел рядом с ней и, по свойству своего характера, пытался развеселить милую Сю-ин, уверяя ее, что не все еще потеряно. Хе Фу-дай преврал свой рассказ и спросил свою жену: «Ты помнишь это, Сю-ин?» Что-то нежное, доверчивое было во всем ее облике, когда она смотрела на своего мужа, откинув голову с черными косичками, перевзанными белыми ленточками. Ее прелестные, добрые, юные темно-карие глаза смотрели прямо, ничуть не смущаясь, — ведь я был другом ее Хе Фу-даю, а перед другом можно не таить своей любви. И она с восхищением слушала русскую речь Хе Фу-даю, рассказ о том, как он полюбил Сю-ин, полюбил, как он выразился, с первого взгляда.

Сю-ин сказала ему тогда: «Ты, Хе Фу-дай, счастливый...» Хе Фу-дай поясняет мне: иероглиф «Фу», входящий в его имя, означает счастье. А я и впрямь счастливый, — продолжает Хе Фу-дай, — и не в иероглифе тут дело, а потому, что я встретил тебя, Сю-ин... К тому же, говоря за счастье надо брать, и я, Хе Фу-дай, тебе в этом помогаю.

Весной пятьдесят пятого года Сю-ин приехала в Чанчунь. Там ее встретил Хе Фу-дай, помог устроиться на работу, и она овладела профессией электромонтера, потом стала учиться в техникуме. Одним словом, все сложилось так, как ей однажды, в минуту жизни трудную, сказал Хе Фу-дай: «За счастье надо бороться». Нужно было только проявить волю, энергию и упорство. А еще через год Сю-ин стала его женой. И вот так они живут: учатся и работают. О, они еще не обзавелись обстановкой, как подобает молодой семье. Не так ли, Сю-ин? Правда, кое-что у них уже есть. Стол для работы, чертешная доска и книги. И вот это роскошное зеркало — подарок друзей из инструментального цеха. Зеркало почти в человеческий рост. Хе Фу-дай подводит Сю-ин к зеркалу. Он смеется:

— Видите, ребята постарались и надели с края зеркала свои имена и доброе присутствие молодой семье.

Хе Фу-дай отодвигает в сторону голубую книгу, тетради, он выкладывает на стол московские фотографии — это кусок его жизни. Они садятся рядышком, плечом к плечу, — Хе Фу-дай и Сю-ин. Наверное, в сотый раз они разглядывают эти дорогие им фотографии...

Вот говорит: чужбина, чужая сторона... Я сейчас нахожусь за тысячу километров от родной стороны. Но здесь, в кругу китайских товарищей, я не чувствовал себя одиноким, потому что, как сказал однажды поэт — мастер-инструментальщик Турбасов: «Нас связала единая цель».

Я простился с Хе Фу-даем и Сю-ин, обещая им передать горячий привет друзьям в третьем инструментальном цехе московского автозавода. И я сдержал это слово, дорогой Хе Фу-дай! Я был вчера в ночной смене в цехе у Василия Титаева, который работает у тех же самых тисков и у той же разметочной плиты, у которого ты учился мастерству слесаря-инструментальщика...

Титаев слушал меня, чуть склонив голову, слушал, задумчиво улыбаясь, словно хотел представить себе Китай, Чанчунь и Хе Фу-даю с его товарищами.

— Да, теперь они знают нас не понаслышке, а по опыту... Как мы их учили? Очень просто. Они стали к тискам, а мы им немного показали. Вот и все.

Титаев посмотрел на разметочную плиту, потянулся рукой к тискам и сказал медленно, смущаясь своих слов:

— Вот у этих тисочков и стала виться наша дружба... Хе Фу-дай все, бывало, говорит: «Циньзи ган!» — «Сделано сам». Хочу, дескать, своими руками научиться работать. Ласковый юноша... Скажет иной раз: «Вы для меня цзяоси». Учитель, значит...

— Титаев быстро и горячо заговорил, разываясь, чтобы я, не дай бог, не подумал, что это, мол, он, Василий Титаев, и есть самый учитель. — Это Хе Фу-дай прикладывал, значит, свою мерку ко всем советским товарищам...

Был нам подосел мастер Кошелев. Он был в светлом-сером халате, стройный, высокий. Титаев показал ему фотографию Хе Фу-даю и Сю-ин.

— Ну, как они там, други наши китайские? — спросил Кошелев. — Помнят ли они нас?.. Маленькая фотография из Чанчуна пошла по кругу. Ее долго рассматривали рабочие.

Я вернулся с завода домой и в ту же ночь под впечатлением встречи с Титаевым написал Хе Фу-даю письмо в Чанчунь. В письме Титаев, писал я, Хе Фу-дай хорошо помнит и передает ему сердечный поклон; у Василия родилась дочка Леночка; по-прежнему три брата с отцом и матерью живут одной семьей; ведет всю семью Анна Захаровна, или, как Хе Фу-дай звал ее, «стета Юра». И о Диме Романове я написал Хе Фу-даю:

«Помните, дорогой Хе Фу-дай, когда в феврале пятьдесят четвертого года мы собирались вместе у Диминых родителей, комсомольцы автозавода отпраздновали своих добровольцев на целину. Ты записал тогда новое для тебя русское слово «целина». Вскоре Дима уехал на целину, а сейчас он служит в Советской Армии...»

...А через две недели позвонил мастер Турбасов, тот самый Андрей Федорович Турбасов, который работает в ВХЗ (Бюро инструментального хозяйства) и, как он говорит, по совместительству пишет стихи. Он просит прислать к письму: в первых, привет всем китайским инструментальщикам, которые проходили практику на московском автозаводе, во-вторых, сказать им, что Турбасов жив-здоров и по-прежнему активно участвует в печати, чтобы писал стихи критические и лирические для цехового «Крокодила» и для души, так сказать. На пенсию он пока не собирается уходить. Пенсия — вещь хорошая, но старый мастер боится, что без работы ему будет очень скучно жить. Турбасов интересуется: говорят, что у китайских товарищей в каждом цехе выходят «Газеты на доске». Заметки пишущие мелом, сообщаются в них все новости рабочей жизни. Турбасов спрашивает, в ходу ли у китайских товарищей сатира. И еще: надо бы завязать крепче связи — учиться друг у друга...

Андрей Федорович помогал, негромко сказал: — Я, видишь ли, боюсь тут над одним стихом...

Будем с вами дружны, как семья, — для друзей расстояния нет.

Это только запев, так сказать, ключик к стихотворению, которое шифует сейчас Турбасов.

Я записал эти строки старого мастера, потом отложил перо и задумался. И снова до мельчайших подробностей вспоминалась мне недавняя встреча в Чанчуне и множество других встреч, которые были у меня за все семьдесят пять дней путешествия по народному Китаю. И думается мне, что вместе с точными знаниями в тонком и сложном мастерстве слесаря-инструментальщика, знаниями, накопленными на одном московском заводе, смугловатый, смугловатый, стремительный юноша из Чанчуна увез в своем сердце живое, полное глубоких мыслей представление о советском рабочем человеке, о том человеке, которого в Китае так просто и обычно зовут: сунляй жень!

ЧАНЧУНЬ — МОСКВА

В ДНИ, когда реакционная пресса старалась захлестнуть международное общественное мнение потоком лживой информации о событиях в Венгрии, стремились, раздувая антисоветскую и антикоммунистическую клевету, посеять раскол в рядах прогрессивной интеллигенции, на страницах передовых органов печати снова со всей силой, по-горючому, прозвучал призыв оказать решительный отпор раскольникам и фашизму.

«Дан сигнал тревоги, отпор будет шириться с каждым днем... В новой, возмещающей о себе борьбе с кем вы, мастера культуры?» — спрашивал французский писатель Жан Фрельвиль в специальном выпуске журналов «Кларте» и «Нувель критик». И сам этот выпуск был красноречивым ответом: передовые мастера культуры с французским народом, с коммунистической партией, против клеветников и фальсификаторов, несмотря на все «черные списки», составляемые «Фигаро литерар», «Орор» и другими «знаменосцами» антикоммунистического похода. Угрозы, фальсификация, шантаж не принесли желаемого результата их организаторам ни во Франции, ни в других странах.

В ответ на предложение «так называемого «конгресса за свободу культуры» квалифицировать действия Советского Союза как «вмешательство» во внутренние дела Венгрии выдающийся члйский поэт Пабло Неруда откликнулся сделать такое заявление и объявил тех, кто выступает с подобным требованием, ставленниками государственного департамента США.

Сегодня мы публикуем новые выступления писателей и деятелей науки и искусства различных стран. Они поднимают свой голос против раскольников и реакционеров, призывая мастеров культуры крепить единство фронта борьбы против войны, против реакционной идеологии, за победу передовых идей нашего века.

«Первая обязанность интеллигенции, — говорится в письме, — состоит в том, чтобы взвесить все факторы той или иной проблемы, прежде чем высказать свое мнение». Авторы письма призывают обратить внимание на то, как использовались венгерские события всевозможными агентами реакции, и прежде всего на деятельность различных информационных агентств.

«Как можем мы, американцы, — сказано в письме, — верить в беспристрастность этих монополий от информации, принадлежащих к той же семье империалистических трестов, которые поддерживают по-дуфедральные диктатуры в Америке? Этих агентств, которые четверть века тому назад оклеветали освободительную борьбу Сандиньо» и которые всего два года тому назад также очернили и Гаитемау для того, чтобы облегчить свержение демократии в этой стране, основываясь на Каракасской резолюции № 93, направленной на ликвидацию «международного коммунизма»? Как можем мы, американцы, верить в эту «объективность», если Юнайтед Пресс подкалывала газете «Ла Пренса» печальную идею опубликовать как «исключительное радиофотом» о событиях в Будапеште грануру, опубликованную в нашем же городе три года тому назад?»

В дни, когда реакционные информационные агентства сели ложь и клевету, в Буэнос-Айресе, напоминая авторы письма, «на площади Сан Мартина некий тип с претензиями Торквемады говорил о необходимости немедленно начать антисоветскую войну».

Авторы письма обращаются к позволившим вести себя в заблуждение деятелям культуры со словами: «Вы слышите только один колокол и соответственно этому действуете».

«Колониальные страны, — говорится в письме, — например Алжир и Египет, борются за свою свободу против колоссального военного аппарата метрополий; на Египет напали потому, что он имел смелость проявить полную независимость; в нашей Америке (хотя бы в Аргентине) империализм затрунвает возможности национального развития наших народов. Эти факты отсутствуют или искажены в сообщениях информационных агентств, и мы не видели, чтобы вы протестовали против этого. Два года тому назад напали на Гватемалу. ООН, такая деятельная сейчас, была не протестовала. Резня уголовных кондотьеров, вроде так называемого «турка» Вестерлинга», который съез и расстрелял тысячи жителей на острове Пелесере, лежит тяжелым камнем на совести наших «чувствительных» гуманистов. Но они промолчали и об этом. Ничего они не говорили об Алжире и Египте. Теперь вновь наступает экономическая независимость. Военные расходы растут, цены

Речь идет о попытках голландских колониальных властей подавить национально-освободительное движение индонезийского народа. (Ред.)

Офицер голландских колониальных войск организовал в декабре 1946 года массовое убийство 40 тысяч жителей острова Целебеса. (Ред.)

И ТАЛЬЯНСКАЯ реакционная пресса продолжает провокационную кампанию, цель которой — подорвать единство в коммунистической партии. Такие буржуазные газеты, как «Темпо», «Мессаджеро», «Коррьере дельла sera», фабриковали клеветническое сообщение о выходе из партии целого ряда видных деятелей итальянской культуры. Намечую такую кампанию поддержали итальянское радио и телеграфное агентство АНСА.

Сегодня мы приводим письмо, опубликованное газетой «Унита», в котором группа известных деятелей итальянской культуры разоблачает фальсификаторов из реакционных газет.

Ввиду того, что крупная буржуазная печать, считающая себя хорошо информированной, подыала в эти дни лживые и шумиху в связи с отходом некоторых интеллигентов от коммунистической партии Италии, мы считаем необходимым, чтобы общественность услышала голос и тех деятелей культуры, которые вновь заявили о своей верности партии. Мы думаем, что речь в данном случае идет о большинстве коммунистов-интеллигентов, но мы, конечно, не обратимся в прессе, считая себя хорошо информированной, с просьбой сообщить об этом своим читателям. Поскольку все же речь идет о коммунистах-интеллигентах, мы скажем о себе; более пространно, сравнивая идеи и опыт многих из нас, мы поговорим об этом на страницах следующего номера журнала «Коммунопаране». А пока — пусть остальные товарищи не обижается на нас — до выхода в свет этого номера мы решили очень кратко изложить некоторые общие «почему» тех новых и более серьезных обязательств, которые мы берем на себя, получая новый партийный билет.* Мы — коммунисты, и глубоко сознаем свой долг, потому что сегодня мы, как никогда, убеждены в том, что социализм — это будущее всего человечества, что это будущее стало уже настоящим во многих странах мира, идущих вперед под знаменем марксизма-ленинизма и под руководством коммунистических и рабочих партий; потому что некоторые ошибки прошлого и затруднения настоящего в социалистическом мире или в странах, идущих к социализму, мы рассматриваем вовсе не как

ОТВЕТ БУРЖУАЗНЫМ ФАЛЬСИФИКАТОРАМ

В ответ на предложение «так называемого «конгресса за свободу культуры» квалифицировать действия Советского Союза как «вмешательство» во внутренние дела Венгрии выдающийся члйский поэт Пабло Неруда откликнулся сделать такое заявление и объявил тех, кто выступает с подобным требованием, ставленниками государственного департамента США.

Сегодня мы публикуем новые выступления писателей и деятелей науки и искусства различных стран. Они поднимают свой голос против раскольников и реакционеров, призывая мастеров культуры крепить единство фронта борьбы против войны, против реакционной идеологии, за победу передовых идей нашего века.

«Первая обязанность интеллигенции, — говорится в письме, — состоит в том, чтобы взвесить все факторы той или иной проблемы, прежде чем высказать свое мнение». Авторы письма призывают обратить внимание на то, как использовались венгерские события всевозможными агентами реакции, и прежде всего на деятельность различных информационных агентств.

«Как можем мы, американцы, — сказано в письме, — верить в беспристрастность этих монополий от информации, принадлежащих к той же семье империалистических трестов, которые поддерживают по-дуфедральные диктатуры в Америке? Этих агентств, которые четверть века тому назад оклеветали освободительную борьбу Сандиньо» и которые всего два года тому назад также очернили и Гаитемау для того, чтобы облегчить свержение демократии в этой стране, основываясь на Каракасской резолюции № 93, направленной на ликвидацию «международного коммунизма»? Как можем мы, американцы, верить в эту «объективность», если Юнайтед Пресс подкалывала газете «Ла Пренса» печальную идею опубликовать как «исключительное радиофотом» о событиях в Будапеште грануру, опубликованную в нашем же городе три года тому назад?»

В дни, когда реакционные информационные агентства сели ложь и клевету, в Буэнос-Айресе, напоминая авторы письма, «на площади Сан Мартина некий тип с претензиями Торквемады говорил о необходимости немедленно начать антисоветскую войну».

Авторы письма обращаются к позволившим вести себя в заблуждение деятелям культуры со словами: «Вы слышите только один колокол и соответственно этому действуете».

«Колониальные страны, — говорится в письме, — например Алжир и Египет, борются за свою свободу против колоссального военного аппарата метрополий; на Египет напали потому, что он имел смелость проявить полную независимость; в нашей Америке (хотя бы в Аргентине) империализм затрунвает возможности национального развития наших народов. Эти факты отсутствуют или искажены в сообщениях информационных агентств, и мы не видели, чтобы вы протестовали против этого. Два года тому назад напали на Гватемалу. ООН, такая деятельная сейчас, была не протестовала. Резня уголовных кондотьеров, вроде так называемого «турка» Вестерлинга», который съез и расстрелял тысячи жителей на острове Пелесере, лежит тяжелым камнем на совести наших «чувствительных» гуманистов. Но они промолчали и об этом. Ничего они не говорили об Алжире и Египте. Теперь вновь наступает экономическая независимость. Военные расходы растут, цены

Речь идет о попытках голландских колониальных властей подавить национально-освободительное движение индонезийского народа. (Ред.)

Офицер голландских колониальных войск организовал в декабре 1946 года массовое убийство 40 тысяч жителей острова Целебеса. (Ред.)

И ТАЛЬЯНСКАЯ реакционная пресса продолжает провокационную кампанию, цель которой — подорвать единство в коммунистической партии. Такие буржуазные газеты, как «Темпо», «Мессаджеро», «Коррьере дельла sera», фабриковали клеветническое сообщение о выходе из партии целого ряда видных деятелей итальянской культуры. Намечую такую кампанию поддержали итальянское радио и телеграфное агентство АНСА.

Сегодня мы приводим письмо, опубликованное газетой «Унита», в котором группа известных деятелей итальянской культуры разоблачает фальсификаторов из реакционных газет.

Ввиду того, что крупная буржуазная печать, считающая себя хорошо информированной, подыала в эти дни лживые и шумиху в связи с отходом некоторых интеллигентов от коммунистической партии Италии, мы считаем необходимым, чтобы общественность услышала голос и тех деятелей культуры, которые вновь заявили о своей верности партии. Мы думаем, что речь в данном случае идет о большинстве коммунистов-интеллигентов, но мы, конечно, не обратимся в прессе, считая себя хорошо информированной, с просьбой сообщить об этом своим читателям. Поскольку все же речь идет о коммунистах-интеллигентах, мы скажем о себе; более пространно, сравнивая идеи и опыт многих из нас, мы поговорим об этом на страницах следующего номера журнала «Коммунопаране». А пока — пусть остальные товарищи не обижается на нас — до выхода в свет этого номера мы решили очень кратко изложить некоторые общие «почему» тех новых и более серьезных обязательств, которые мы берем на себя, получая новый партийный билет.* Мы — коммунисты, и глубоко сознаем свой долг, потому что сегодня мы, как никогда, убеждены в том, что социализм — это будущее всего человечества, что это будущее стало уже настоящим во многих странах мира, идущих вперед под знаменем марксизма-ленинизма и под руководством коммунистических и рабочих партий; потому что некоторые ошибки прошлого и затруднения настоящего в социалистическом мире или в странах, идущих к социализму, мы рассматриваем вовсе не как

Отповедь реакционерам

«Крах» наших революционных идеалов, а наоборот, как полезный, хоть и болезненный кризис развития, упорядочения, перехода от одного исторического этапа к другому. И мы не забываем, что на завершающемся сейчас этапе ошибки и промахи были лишь тенью великих успехов в освободительной борьбе, разорвавшей цепь империализма и приведшей к созданию первого социалистического общества.

Мы — коммунисты, и глубоко сознаем свой долг, потому что сегодня мы, как никогда, убеждены в том, что социализм — это будущее всего человечества, что это будущее стало уже настоящим во многих странах мира, идущих вперед под знаменем марксизма-ленинизма и под руководством коммунистических и рабочих партий; потому что некоторые ошибки прошлого и затруднения настоящего в социалистическом мире или в странах, идущих к социализму, мы рассматриваем вовсе не как

«Крах» наших революционных идеалов, а наоборот, как полезный, хоть и болезненный кризис развития, упорядочения, перехода от одного исторического этапа к другому. И мы не забываем, что на завершающемся сейчас этапе ошибки и промахи были лишь тенью великих успехов в освободительной борьбе, разорвавшей цепь империализма и приведшей к созданию первого социалистического общества.

Мы — коммунисты, и глубоко сознаем свой долг, потому что сегодня мы, как никогда, убеждены в том, что социализм — это будущее всего человечества, что это будущее стало уже настоящим во многих странах мира, идущих вперед под знаменем марксизма-ленинизма и под руководством коммунистических и рабочих партий; потому что некоторые ошибки прошлого и затруднения настоящего в социалистическом мире или в странах, идущих к социализму, мы рассматриваем вовсе не как

Мы — коммунисты, и глубоко сознаем свой долг, потому что сегодня мы, как никогда, убеждены в том, что социализм — это будущее всего человечества, что это будущее стало уже настоящим во многих странах мира, идущих вперед под знаменем марксизма-ленинизма и под руководством коммунистических и рабочих партий; потому что некоторые ошибки прошлого и затруднения настоящего в социалистическом мире или в странах, идущих к социализму, мы рассматриваем вовсе не как

мого результата их организаторам ни во Франции, ни в других странах.

В ответ на предложение «так называемого «конгресса за свободу культуры» квалифицировать действия Советского Союза как «вмешательство» во внутренние дела Венгрии выдающийся члйский поэт Пабло Неруда откликнулся сделать такое заявление и объявил тех, кто выступает с подобным требованием, ставленниками государственного департамента США.

Сегодня мы публикуем новые выступления писателей и деятелей науки и искусства различных стран. Они поднимают свой голос против раскольников и реакционеров, призывая мастеров культуры крепить единство фронта борьбы против войны, против реакционной идеологии, за победу передовых идей нашего века.

«Первая обязанность интеллигенции, — говорится в письме, — состоит в том, чтобы взвесить все факторы той или иной проблемы, прежде чем высказать свое мнение». Авторы письма призывают обратить внимание на то, как использовались венгерские события всевозможными агентами реакции, и прежде всего на деятельность различных информационных агентств.

«Как можем мы, американцы, — сказано в письме, — верить в беспристрастность этих монополий от информации, принадлежащих к той же семье империалистических трестов, которые поддерживают по-дуфедральные диктатуры в Америке? Этих агентств, которые четверть века тому назад оклеветали освободительную борьбу Сандиньо» и которые всего два года тому назад также очернили и Гаитемау для того, чтобы облегчить свержение демократии в этой стране, основываясь на Каракасской резолюции № 93, направленной на ликвидацию «международного коммунизма»? Как можем мы, американцы, верить в эту «объективность», если Юнайтед Пресс подкалывала газете «Ла Пренса» печальную идею опубликовать как «исключительное радиофотом» о событиях в Будапеште грануру, опубли